

Селина
Аллен

18+

Звезда

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Селина Аллен

Зверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69215020

SelfPub; 2024

Аннотация

Он капитан Дьяволов, любимчик Америки. Мрачный, молчаливый и грубый хоккеист, вбивающий соперников в лед. Он ненавидит меня, невзлюбил с самой первой нашей встречи. Но ему придется потерпеть, ведь мой парень – его товарищ по команде, а я репортер спортивного телеканала, отвечающая за вкладку «хоккей».

Содержание

От Автора	4
Плейлист	5
Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	77
Глава 8	94
Глава 9	109
Глава 10	117
Глава 11	132
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Селина Аллен

Зверь

От Автора

Дорогой читатель, эта книга входит в цикл о хоккеистах под названием «Короли Нью-Йорка». «Зверь» – это первая книга из трех, которая рассказывает историю капитана хоккейного клуба «Дьяволы Нью-Хейвена» Макса Пауэлла и корреспондентки спортивного телеканала Перри Митчелл.

Каждая книга из цикла является самостоятельной историей, но, как автор, я советую тебе прочитать их все по порядку.

Если у тебя возникнет желание следить за новостями о моем творчестве, выходе моих книг в печать, да и просто поговорить, то я всегда жду тебя в своем телеграме – https://t.me/selina_allen_books

Плейлист

Tiësto, Ava Max – The Motto
Chase Atlantic — Okay
Limp Bizkit — Behind Blue Eyes
Marilyn Manson – Personal Jesus
Jaymes Young – Come Back for Me
Doja Cat — Streets
Ariana Grande – Touch It
Lana Del Rey – Gods & Monsters
Cannons — Hurricane
Jamie-Lee – Berlin
Foxes – Devil Side
Chase Atlantic — Right Here
Lana Del Rey – Dark Paradise
HIM — Join Me in Death
Chris Brown – Under The Influence
Sabrina Carpenter – Skin
Arctic Monkeys – Do I Wanna Know?
Raye — Escapism
Swedish House Mafia, The Weeknd — Moth To A Flame
Shinedown — Call Me
Disturbed – You're Mine
Robbie Williams — Angels

Guano Apes – Pretty in Scarlet

Daya — Safe

Zara Larsson — Only You

Rat City – Kind Of Love

Seether – Careless whisper

Ozzy Osbourne – I Just Want You

Ariana Grande — One Last Time

Belinda Carlisle — Heaven Is A Place On Earth

Пролог

Итан – мой напарник и оператор – настраивал камеру, пока я пыталась прийти в себя.

Мои ноги все еще дрожали, я всерьез опасалась, что не смогу устоять, что рухну и распластаюсь между трибун, и все узнают о том, каким отвратительным человеком я являюсь на самом деле.

Сердце не сбавляло ритма, колотясь о ребра так сильно, что я чувствовала тупую ноющую боль. О нет, мне срочно нужно на лед, прижаться к нему лицом, чтобы остудить пылающие щеки. И как я буду снимать репортаж, если не в состоянии и двух слов связать?

Когда мы переехали в Нью-Хейвен, я не подозревала, что скоро буду стоять посреди Скайрок-центра и ощущать такое смятение в душе. Эти чувства накрыли меня волной, заставили сомневаться в собственных принципах.

Трибуны взревели, на льду по одному, делая разогревающий прокат, стали появляться хозяева этого вечера.

Толпа как сумасшедшая скандировала:

– Дьяволы! Дьяволы!

От каждого слова я вздрагивала.

Не знаю, как остальные игроки, но *он* точно был дьяволом.

Показался тридцать второй номер – мой парень, и все девушки на трибунах запищали от восторга.

– Даррелл! Даррелл! – доносилось отовсюду.

Он сделал круг на льду, опробовал скорость, лезвия коньков и качество покрытия, затем подкатился к хоккейному бортику. Майк подобрал шайбу и с ослепительной улыбкой перекинул ее через стекло. Та упала в руки маленького мальчика, который запомнит этот момент на всю жизнь.

Мой парень замечательный. Но не он заставлял меня беспокоиться и тонуть в раздумьях, не его внушительную фигуру я искала в толпе, и не его взгляд наполнял мою грудь приятным, словно морской ветер, теплом.

– Перри, ты готова? – спросил меня оператор.

Я испуганно перевела взгляд на камеру. Нерешительно кивнув, машинально проверила микрофон в руках и пригладдила непослушные рыжие пряди.

– Три, два, один – пошла, – скомандовал Итан.

– Добро пожаловать на лед, я веду репортаж с арены в Скайрок. Прямо сейчас разогревающий прокат делают хозяева, и это «Дьяволы Нью-Хейвена», сразиться им предстоит с гигантами Восточного побережья «Акулами Торонто». – Я сделала паузу, чтобы у меня не закружилась голова. – Да... Противостояние века. Напомню, что «Акулы» в этом сезоне поражают своей игрой, определенно их тренер Барри Джеймс проделал невероятную работу, все хоккеисты ошеломляют передачами и перехватами. Но смогут ли они побить хозяев арены – «Дьяволов»? Увидим. Сегодня с вами я – постоянный корреспондент «Джикей Нетворк» – Перри

Митчелл, оставайтесь с нами.

Камера отключилась.

– Отлично, – пропел Итан. – Слушай, а куда ты подевалась перед игрой, мы же хотели снять «Дьяволов» до матча?

От его вопроса по моей коже пронесся электрический импульс.

– Голова разболелась, пришлось вернуться в машину и принять обезболивающее, – в очередной раз солгала я.

Толпы вокруг меня взревели, я скользнула взглядом по арене и поняла, почему все так взбудоражены. На льду появился Зверь. Один из самых талантливых хоккеистов мира, человек, сделавший свой первый хет-трик¹ в Юниорской лиге, и главный трофей для хоккейных заек².

Зверь сделал широкий прокат и резко остановился в сантиметрах от плексигласа, поднимая ледяную пыль лезвиями коньков. Его фирменный жест, который внушал ужас даже самым стойким игрокам.

Толпа пришла в восторг. Вот тот человек, который будоражил и возбуждал не только девочек, но и мужчин, заставляя их вскакивать с мест со стаканчиками содовой или куриными наггетсами и разрывать на себе номерное джерси.

Его номер тринадцать – чертова дюжина, и этот человек полностью соответствовал ему. Он был дьяволом. Кто еще

¹ Хет-триком называют три гола, забитые в одном матче одним игроком.

² Хоккейная зайка – болельщица, чей интерес к этому виду спорта в первую очередь мотивирован сексуальным влечением к игрокам.

мог так легко искушать и так быстро спускаться с небес на землю?

Зверь окинул безразличным взглядом трибуны и на секунду остановился на мне. Лицо его было темным: нахмуренные брови и сурово сжатые губы. По моей спине пробежал холодок, его слова, сказанные мне пять минут назад, словно мантра, крутились в моей голове.

«...ты перешла черту! Черт возьми! Я не просто зол, я в ярости!»

На его лице читалось безразличие, словно я ничего не знала, была лишь точкой в толпе.

Так и было, пожалуй.

Мы терпеть не могли друг друга.

Усилием воли я перевела взгляд на спину игрока под номером тридцать два. Словно почувствовав, что я смотрю, Майк обернулся и подарил мне яркую широкую улыбку. И я улыбнулась в ответ так, словно не была обманщицей, словно не питала запретные чувства к капитану хоккейной команды моего парня.

Глава 1

Перри

Друзья Майка, парочка его коллег со своими девушками и какие-то незнакомые мне люди заполнили всю гостиную.

Дом был полностью оформлен в стиле «лофт». Стены из красного кирпича, мебель из металлических деталей и дерева. Уже после пятнадцати минут пребывания здесь мне хотелось воспользоваться глазными каплями, чтобы не испытывать дискомфорта от яркого цвета стен.

Громкая музыка, голоса и смех вызывали у меня головную боль. А еще Майк, которого весь вечер где-то носило. Привести меня на вечеринку и смыться – это, по-вашему, нормально?

Перед глазами маячили девушки в коротких платьях, юбках и шортах, напоминающих трусы. Кто говорил, что только хоккейные вечеринки в колледжах похожи на бордельные? Хоккейные вечеринки профессиональных хоккеистов ничем не отличались от университетских.

Вечер был, мягко говоря, скучным, так еще и мой парень решил добить меня «невероятной» новостью.

– Что? «Дьяволы Нью-Хейвена»? – изумленно спросила я.

– Да. Я подписал контракт на три года.

Иисусе.

Он сиял прямо как диско-шар на вечеринке первокурс-

ниц. А меня эта новость неприятно шокировала.

Три года – не самый долгий срок в хоккейной карьере, но ощутим, если речь идет о моем парне.

Мы жили в Лос-Анджелесе, где располагался его хоккейный клуб «Атланты Лос-Анджелеса», вернее, бывший клуб. А клуб «Дьяволы Нью-Хейвена» находится на другом конце страны.

Я старательно пыталась держать улыбку на лице, но она уплывала и все больше походила на гримасу боли.

– Ты не рада?

– Рада, конечно, рада, – закивала я. – Но думала, что ты останешься в Лос-Анджелесе, *мы* останемся в Лос-Анджелесе. Тебе же предложили практически идентичные контракты.

Майк сел на диван рядом со мной, его рука нежно обвила мою талию. Я взглянула на девчонку, которая весь вечер вилась возле моего парня. Сейчас она в отвращении скривила губы. Бедняжка не знала, что я официальная и единственная девушка Даррелла.

Теперь-то я поняла, что вечеринка в доме Сэма Рафта – это не поздравление моему парню с подписанием нового контракта с «Атлантами». Это проводы в «Дьяволы».

– Детка, тебе понравится в Нью-Хейвене.

Его слова заставили меня нахмуриться.

– Мне понравится? Мы не говорили о том, чтобы поехать туда вместе. Ты подписал контракт, а моя работа здесь,

Майк. Я не могу все бросить.

Мне было чего бояться. Как и было от чего отказываться.

Лицо Майка переменилось: из лучащегося счастьем оно превратилось в злое и недовольное.

– А как ты представляешь это, Перри? Я уеду, а ты останешься здесь? – холодно спросил он. – У нас не будет отношений на расстоянии. В Нью-Хейвене ты сможешь найти достойное продолжение карьеры.

Здесь я уже год была ведущей спортивных новостей в огромной медиасети. Сомневаюсь, что в Нью-Хейвене я найду нечто подобное. Но я дорожила нашими отношениями и не могла представить расставания с Майком.

– Ты прав, – сдалась я.

– Малышка. – Он захватил меня в кольцо из рук и поцеловал щеку. – Тебе понравится. Нельзя, чтобы пара вроде нас так нелепо рассталась.

– Я поеду с тобой.

Мне не хотелось ехать в Нью-Хейвен, но если на кону стояли наши отношения, то я согласна пожертвовать работой.

– Здорово, – Майк поцеловал меня в висок и взял с небольшого столика стаканчик с напитком.

Рано или поздно передо мной должен был встать выбор: карьера или отношения. Я встречалась с хоккеистом, а они, как правило, не задерживаются долго на одном месте. Мало кто подписывает контракты длиною хотя бы в пять лет. Клубы любят меняться игроками, подстраивая наиболее выгод-

ные комбинации и бюджет для себя. В конце концов, хоккей, как и любой зрелищный спорт, – это бизнес, а бизнес никогда не стоит на месте.

С Майком я познакомилась, когда училась на последнем курсе журналистики в Калифорнийском университете Беркли. Тогда он уже играл в Национальной хоккейной лиге³ и активно набирал популярность в медиапространстве.

Встреча произошла в баре, куда мы с подругами пришли отмечать завершение учебного года. Майк облил меня пивом и весь вечер бросал загадочные взгляды в мою сторону. Тогда я еще не знала, что на меня обратил внимание молодой хоккеист. Он попросил мой номер, стал активно добиваться моего внимания, и я растаяла. Мы вместе уже больше двух лет. Это первые серьезные отношения в моей жизни.

По другую сторону от меня опустил Фред Льюис – вратарь «Атлантов» и друг моего Майка.

– Вижу, Майки обрадовал тебя новостью. Он не знал, как тебе сказать, – усмехнулся Фред.

Не знал, как сказать. Поэтому просто поставил перед фактом.

– Нам жаль терять игрока вроде Майки. И жаль, что ты больше не будешь светить личиком на канале.

Я взглянула на него так, словно у парня были проблемы с головой.

³ Национальная хоккейная лига (НХЛ) – профессиональная спортивная организация, объединяющая хоккейные клубы США и Канады.

– Светить личиком?

– Ну да, – усмехнулся Льюис. – А что еще вы, телеведущие, делаете?

В его руке был зажат стаканчик с пивом, глаза Фреда заволокло дымкой опьянения. Он не контролировал свое сознание и говорил эти слова не со зла. Но обычный острый комментарий, коих я наслушалась уже в огромном количестве, задел меня за живое.

Я знала, что моя внешность играла мне на руку. Мужчины любили рыжеволосых девушек. А к рыжим волосам у меня шли зеленые глаза и мягкие черты лица.

А теперь представьте, как такая девушка пухлыми розовыми губами рассказывает о спортивных новостях.

Представили?

Мужчины сразу видят во мне красивую говорящую голову, а женщины считают, что я заняла место телеведущей только из-за того, что закрутила роман с боссом.

Еще в колледже я поняла, что на меня будут смотреть по-другому, иначе, чем на других ведущих. Спортивными журналистами были преимущественно мужчины.

Поэтому вот уже два года я пользовалась советом моей университетской наставницы: скрывала все, чем наградила меня природа. Поначалу я противилась этому и работала в той одежде, в которой чувствовала себя красивой. Но со временем мое мнение на этот счет изменилось. Помог мне Майк, который бесился каждый раз, как мне делали непри-

стойные комплименты другие мужчины.

Я старалась быть невзрачной и серой, потому что хотела, чтобы меня уважали, как и моих коллег-мужчин. Но и по сей день мой личный аккаунт в одной из социальных сетей был завален омерзительно-тошнотворными сообщениями.

Именно поэтому меня так задел комментарий Фреда, что я готова была ему горло перегрызть.

– Чтобы ты знал, я не свечу личиком, а обзираю ваши игры.

Фред громко рассмеялся, привлекая внимание остальных.

– Не светишь, конечно! Все знали, что ты просто украшение канала. Ты ведь даже в хоккей играть не умеешь, Митчелл.

Парню, по-моему, не раз прилетало шайбой в голову. Иначе как объяснить то, что он нес такую ересь с абсолютно серьезным лицом?

– Для того, чтобы обзирать хоккей, необязательно уметь в него играть. Достаточно лишь знать правила игры.

– Чушь, Перри! – воскликнул он. – Как ты можешь судить об игре, если даже ни разу не была на льду!

– Я была на льду!

– Тот случай, когда Майки решил научить тебя кататься, а ты распласталась на льду как пьяная черепаха, а потом еще и встать не смогла, не считается.

– Это не смешно, Фред. – Гневом моих глаз можно было поджигать сухие поля.

– Еще как смешно, – заржал он.

Я оглянулась на своего парня и заметила, что он улыбался, наблюдая за нами. Майк все слышал и не сказал ни слова в мою защиту.

Внутри вдруг забурило такое отчаяние вперемешку со злостью, что мне захотелось ударить Льюиса.

Черт с ним. Челюсть ублюдка была как каменная оградка какого-нибудь дома. Себе же сделаю хуже.

– Ты никогда не нравился мне, Фред. Тебе недостает мозгов, чувства такта и воспитания. А еще я знаю, что у тебя маленький член, и ты носишь толстый золотой браслет на руке, чтобы убедить девушек в обратном. Понятия не имею, как одно связано с другим. Но никакой браслет не изменит того, что ты мелкочленный придурок! – бросила я и решила удалиться с вечеринки, которая мне сразу не понравилась.

Майк нагнал меня на подъездной дорожке дома.

– Зачем ты портишь всем вечер? – зарычал он. – Я рассказал тебе по секрету, а ты обрушила это на Фреда.

– А ты ничего не хотел ему сказать? – вскипела я. – Остановить, может?

– Да брось, малышка, это были шутки.

– Я тоже шутила!

В моем голосе сквозила обида. Майк часто ставил сокомандников выше меня. Хоккей очень много значил для него.

Я не была одной из тех девчонок, которые постоянно выносили мозг своим парням в кто-тебе-важнее-я-или-он сти-

ле, но, когда меня откровенно оскорбляли, я зверела.

«Светить личиком» – так сказал Фред. Так вот, я не светила личиком, я разбиралась в спорте и прикладывала слишком много усилий в профессиональной среде, я не заслужила, чтобы обо мне говорили только как о «красивом личике».

– Ты бурно реагируешь. Не стоит злиться из-за безобидных шуток, – как заведенный продолжал он.

Мне не хотелось ссориться с моим Майком, он дорог мне. К тому же я обещала матери скоро навестить ее, я не могу появиться дома без парня. Сколько же осуждения тогда полетит в мой адрес!

– Я хочу домой, – уныло отозвалась я. – Мы достаточно погуляли, может, вернемся в нашу уютную квартирку и посмотрим какую-нибудь мелодраму?

Майк любил смотреть со мной «девчачьи» фильмы. Он разделял мои интересы. И мне нужно сконцентрироваться на плюсах наших отношений и не замечать минусы. Вроде того, что произошло пару минут назад.

– Нет, детка, – застонал он. – Я еще не готов вернуться. Если ты хочешь, то езжай. Я приеду позже.

Я сложила руки на груди и пожалала плечами.

– Напиши, как соберешься выезжать.

– Лады, – просиял он, затем звучно чмокнул меня в губы и вернулся обратно в дом.

Запахнув посылнее фланелевую клетчатую рубашку, я вышла за ворота дома, вызвала такси и отправилась домой

В одиночестве.

Глава 2

Перри

В девять утра я подъехала к студии местного телеканала. Небольшое трехэтажное здание находилось в самом центре Нью-Хейвена.

– Перри! – Через парковку ко мне направлялась Донна.

Я закрыла дверь красной «Искорки», старушки «Шевроле», которая ни один год возила меня, и поставила ее на сигнализацию.

Донна напрыгнула на меня, крепко обнимая и приговаривая что-то о том, как она рада меня видеть.

В первый учебный день в колледже я никак не могла найти кабинет философии. Донна помогла мне отыскать его. Тогда я подумала, что она фея-крестная для новеньких студентов. Но оказалось, что она моя новая одногруппница.

– Я так рада, что ты сделала выбор в пользу «Джикей»! – пропела она, отстраняясь.

У меня не было особого выбора – либо это, либо канал о разведении собак.

– А как иначе?

Донна подхватила меня под руку и повела к зданию.

– Вот что тебе нужно знать. Придется часто контактировать с Деборой Райли – она наш редактор новостей. Но все зовут ее Дебби. Однако ты зови Дебора, она не любит, когда

новички позволяют себе слишком много. Все колонки и статьи, которые ты будешь писать о хоккее, будут направляться сначала к ней. Она приходит в ярость, когда видит стилистические ошибки, поэтому постарайся не допускать их и выстраивай повествование правильно. Это важно! – наставляла меня подруга.

– Это все, конечно, хорошо, но меня ведь еще не взяли, – заметила я.

– Расслабься, Тим возьмет тебя. Ты как-никак звезда Западного побережья, он и мечтать не мог заполучить кого-то вроде тебя.

– Прости, ты сказала, что я буду готовить колонки новостей о хоккее. Но ведь я ведущая новостей, написанием колонок занимаюсь не я.

Донна ухмыльнулась, и эта ухмылка мне совсем не понравилась, слишком уж она была надменной.

– Место телеведущей занято, есть только место штатного корреспондента тире журналиста, – с гордостью объявила она.

– Кем занято? – не поняла я.

– Мной. Я веду новости на этом телеканале.

Я сидела в кабинете директора телеканала Тима Уоррена. Мужчине передо мной на вид было около сорока пяти лет.

Он был высоким, худым и жилистым, что я заметила, когда в процессе разговора он вдруг встал, чтобы полить огромный цветок, внешне похожий на пальму.

Признаю, когда Майки сообщил мне «радостную» новость о переезде, я впала в уныние. Все, к чему я шла, весь мой труд без выходных и ненормированный график были зря. Я гордилась тем, что всего за год с места простого корреспондента быстренько перебралась в кресло телеведущей. И, скажу вам, в этом кресле мне было очень удобно.

– Место штатного корреспондента свободно.

– Если другого выбора нет, то я согласна, – нерешительно пожала плечами я.

– Славно! – воскликнул Тим и радостно хлопнул в ладоши. – Оформим вас по ускоренной программе, и совсем скоро вы сможете приступить к своей работе.

Буквально из джинсов выпрыгиваю, как хочу скорее приступить к своей работе.

Попрощавшись с Тимом, я вышла из его кабинета, сразу встречаясь взглядом с Донной.

– Ну что?

– Я теперь корреспондент.

– Поздравляю, – просияла подруга, бросаясь обнимать меня.

Сомневаюсь, что это то, с чем можно поздравлять. Однако я все же кивнула ей в ответ.

Донна показала мне офис и студию, объяснила нюансы ра-

боты и даже познакомила с некоторыми из моих новых коллег.

В маленькой корпоративной кухне мы застали парня, заваривающего себе кофе.

Он вдруг обернулся с кофейником в руках и уставился на меня и Донну.

– Кофе?

– Да, пожалуйста, двойной и ложку ванильного экстракта, – попросила Донна. – Через полчаса у меня съемки.

На нем были прямые брюки цвета хаки и клетчатая зеленая рубашка, он был одного роста со мной, а значит, около ста семидесяти сантиметров, вдобавок худощав и сутул. Я дала бы ему не более тридцати лет.

– Вам? – спросил парень у меня.

Я покачала головой.

– Нет, спасибо, не люблю кофе.

– Перри, это Джей Уинтер, он корреспондент телеканала и отвечает за футбол, – пояснила подруга.

– Перри? Перри Милашка Митчелл? – с неким радостным удивлением спросил он. – А я думаю, то-то лицо знакомое!

Милашка. Таким прозвищем меня наградили сразу после того, как я стала появляться в программе теленовостей.

И я возненавидела его в первый же день.

– Просто Перри, – поправила я.

Джей сразу же спохватился и приложил руку груди. Его густые русые волосы колыхнулись вперед, спадая на лоб.

– Прости, я больше не буду.

Представляю, какие у него получаются репортажи, наверняка такой же харизматичный в кадре, как и в жизни.

– Так ты наша новая...

– Она корреспондент, – мгновенно выдала Донна.

– Ну, дела-а. Почему корреспондент? Я слышал, что ты была в топе.

Я нервно сглотнула, снова вспоминая, в какую задницу попала.

– Да, в топе, но мне пришлось пожертвовать рейтингами.

– Ради?

– Ради парня. Майк Даррелл подписал контракт с «Дьяволами» на три года. Я последовала за ним.

– Романтично, – протянул Джей.

– Ничего романтического, – фыркнула Донна. – Я не смогла бы пожертвовать карьерой ради какого-то парня.

– Просто у тебя нет и не было такого парня, – поддел ее Джей.

– Мне и не нужно. – В пару глотков покончив с кофе, она бросила кружку в раковину и побежала к выходу. – Работа зовет.

Мы с Джейем проследили взглядами за Донной, а затем оба посмотрели на грязную кружку в раковине.

– Знаешь, как мы называем Донну? – спросил он.

Я вопросительно дернула головой, как бы говоря, что мне действительно интересно, какое именно прозвище они дали

Донне.

– Дива, – ответил Джей и, допив кофе, принялся мыть и свою, и ее кружку. – Она ведет себя здесь как королева телецентра.

– Ты не сильно жалуешь ее.

– Ненавижу, Донна жуткая стерва, которой лучше не переходить дорогу. Ходят слухи, что она спит с шефом. Поэтому каждый, кто смеет ей перечить, непременно получает взыскание.

Надо же, Донна не была такой в колледже. Она была милой, дружелюбной, но тихой и кроткой. В последнее время мы редко общались, поэтому я не знала, как сильно поменялась Донна.

– А ты, кстати, какую сетку-то займешь? Я помню, что срочно искали корреспондента на баскетбол, – небрежно бросил он.

– Не-а. Я займусь хоккеем. До того, как стать ведущей спортивных новостей, я обозревала хоккей.

– Ну, дела... Не завидую тебе.

– Почему?

Он усмехнулся и пальцами зачесал назад густые волосы.

– «Дьяволы» не просто так называются «Дьяволами».

– Могу тебя разочаровать, но название команды тянется несколько десятков лет и никак не зависит от самих хоккеистов, – ухмыльнулась я.

Джей оперся бедром о столешницу и сложил руки на гру-

ди.

– Не зависит, но по странному стечению обстоятельств большинство из них сущие дьяволы.

– Например? – Я решила сразу узнать, с кем мне придется иметь дело.

– Не скажу точно, потому что не интересуюсь особо этим спортом, но наслышан, что есть там несколько проблемных кадров.

Я давно не следила за хоккеем, даже несмотря на то, что мой парень профессиональный хоккеист. Его игры не всегда удавалось посещать из-за напряженного графика работы. Поэтому я сильно отстала от хоккейной жизни и не знаю, каков состав «Дьяволов». Но сейчас мне уже пора было ехать в центр, где проходила тренировка у Майка.

Там и посмотрю.

Я оставила свою «Искорку» на парковке и огляделась.

Скайрок-центр или просто «Скала», как его сокращенно называли, действительно внушал трепет и восторг. Но я привыкну, мало того что здесь тренируется мой парень, так еще и большую часть репортажей вести мне придется с арены «Скалы».

В специальном отделе я получила пропуск в особую зону, спасибо Майку, что позаботился об этом заранее. С этим

пропуском мне было дозволено появляться в тех местах, где ходили сами хоккеисты.

Я шла по широкому коридору, предназначенному для игроков и работников арены. Тишину помещения разрезал стук клюшек о шайбу и шайбы о заградительные бортики. Еще я отчетливо слышала, как лезвия коньков рассекают лед, наставления тренера и его помощника, а также голоса игроков.

Минуя несколько дверей, я вышла прямо к арене. Скользя в небольшой проход между плексигласом и ребром ограждения, попала на трибуну. С арены повеяло холодом. А я не захватила с собой джинсовую куртку. Стоять здесь в одной футболке – настоящее испытание.

Послышался залиvistый смех, а затем я увидела его.

Майк – мой парень.

Он тренировался в правой части арены с другим хоккеистом. В быстром темпе они передавали друг другу шайбу, отрабатывая передачу.

Мой парень был так красив и привлекателен, я не могла оторвать от него взгляда. А эта новая экипировка «Дьяволов» красного цвета сидела на нем просто изумительно.

Но мой взгляд плавно съехал на другого игрока.

Из одной части арены в другую на полной скорости несся номер тринадцать. Он вел шайбу перед собой, обошел троих, пытавшихся препятствовать ему, даже не сбавив скорости. И на полном ходу забросил шайбу в ворота. Та вошла в сетку,

но удар был такой силы, что она тут же отлетела назад.

Представить не могу, что случится, если шайба с такой скоростью прилетит вратарю в лицо. Никакая защита не поможет.

«Дьяволы» засвистели, поднимая шум и восхваляя удар тринадцатого номера. Но он будто не слышал их. Вернее, слышал, но не считал нужным как-то показывать, что он рад. Просто такие игроки знают, на что способны, и подобный обход для них не редкость. Поэтому на его лице не было даже намека на улыбку.

Он катился по краю арены и, проезжая мимо меня, лишь на секунду поймал мой взгляд. Безжизненное отстраненное лицо, таким я его помнила, таким он предстал передо мной и сейчас. Он не узнал меня, а вот я никогда не забуду эти глаза. Голубые, холодные, словно лед, и пустые.

Дамы и господа, Макс Зверь Пауэлл.

Глава 3

Перри

Я уже встречала Зверя, и эту встречу я запомнила на всю свою жизнь.

Маленький бар на окраине Лос-Анджелеса напоминал Лоле ее родные тexasские места. Мы были уже на третьем курсе, а она все еще скучала по своему штату, так и не привыкнув к Калифорнии.

Стены бара были оформлены рыжей древесиной, полы обшарпаны, краска слезла, и никто не собирался исправлять это. Напротив столиков располагался автомат, где можно было включить что-нибудь из музыки. В воздухе стоял запах старого дерева, пива и вареных раков. Контингент здесь был не самый лучший, несколько мужчин-дальнобойщиков, женщины преклонного возраста в очень откровенных нарядах и завсегдатаи подобных баров, снабженные пивным брюшком и алкогольным перегаром.

Всему виной дешевый мотель на втором этаже.

Мы ведь не предполагали, что заведение окажется таким... самобытным и отсталым лет на двадцать. Лола хотела найти бар, который немногим отличался бы от тexasского, но нашла это. Ехать еще полтора часа, чтобы найти что-то лучше, мы не хотели. Поэтому решили остаться здесь.

Лично я находила особый шарм в этом месте, Лола тоже.

А вот остальные недовольно кривили симпатичные рожицы.

Нас немного пугали мужчины, которые смотрели на четырех Лос-Анджелесских девчонок плотоядными взглядами. Но мы здесь были уже в четвертый раз, и владелец бара, Микки, знал нас очень хорошо, поэтому он предупредил всех «охотников» сразу: если кто-то посмеет подойти к нам, он отстрелит тому все, что ниже пояса, двуствольным ружьем двенадцатого калибра.

Однако этим вечером не только мы выделялись из общей массы.

За баром сидел мужчина. Темные волосы были растрепаны, его широкие плечи сгорбились над столешницей, а стильная черная джинсовая куртка от «Армани», обтянувшая его мощную спину, выдавала в нем весьма состоятельного городского. Он был черным пятном в этом месте, а тяжелая гнетущая аура могла кого угодно задавить прямо на расстоянии.

– Одинокий серый волк, – нараспев произнесла Донна, откидывая за спину каштановые волосы.

– Скорее черный волк, – усмехнулась Кирби.

Джинсы облепили его крепкие бедра и наверняка симпатичную задницу. Он выпивал, но делал это медленно, словно попутно копаясь в мыслях.

– Ставлю двадцатку, что у него маленькие усики под носом, тяжелый взгляд и морщинистое лицо, – усмехнулась я в попытке развеселить девчонок и запрятать подальше соб-

ственный страх.

– Тридцатка на огромный шрам от губы до брови, – предположила Лола, подтягивая к губам стакан с пивом.

Я взглянула на нее, вскидывая бровь.

Шрам? Серьезно?

С громким стуком опустив стакан на стол, она заправила выбившиеся темные кудряшки за уши и удивленно уставилась на меня круглыми карими глазами.

– Что?

– Призрачное лицо⁴? – непонимающе спросила я.

Лола покачала головой.

– Призрачное лицо не имел шрамов, если бы ты хоть раз посмотрела с нами фильм, то знала бы это, – ответила Кирби.

Кирби единственная из девчонок, с кем я была знакома еще со школы. В старших классах она перебралась с отцом в Лос-Анджелес. Мы сразу подружились. Именно поэтому я была осведомлена о ее предпочтениях. Любовь к фильмам ужасов никак не вязалась с мягкими чертами лица Кирби, длинными светлыми волосами и голубыми глазами.

– Думаю, у него страшное сморщенное лицо как после долгого пребывания в воде, и как только часы пробьют полночь, он начнет кромсать всех обитателей бара, – предположила Кирби. Из-за ее тихого и устрашающего тона Донна испуганно округлила глаза.

⁴ Призрачное лицо – главный отрицательный персонаж серии молодежных фильмов ужасов «Крик», созданных Уэсом Крэйвеном и Кевином Уильямсоном.

– Кирби!

– Что?

– Ладно, хочу танцевать, – заявила я, поднимаясь с места.

Еще не подойдя к автомату с музыкой, я уже знала, какую песню включу.

Заиграли первые аккорды, и, небрежно откинув волосы за спину, я начала активно двигать бедрами.

When the night falls down, I wait for you and you come around⁵.

Я заметила, как ко мне приближаются Кирби и Лола. Донна осталась за столиком, она никогда не любила привлекать к себе внимание.

Ooh, baby, do you know what that's worth? Ooh heaven is a place on earth!

Зазвучал припев, и мы втроем, громко подпевая, стали танцевать и дурачиться. Настроение взлетело до небес, я не могла остановиться и все прыгала, кружилась и пела, пропуская музыку сквозь каждую клеточку разгоряченного тела.

Постепенно к нам подтягивались другие люди. Три женщины и парочка дальнобойщиков, и даже официантка бара «У Микки» Дора.

⁵ Слова песни Heaven is a place on Earth Белинды Карлайл.

– Если мне будут делать предложение, и эта песня не будет играть, то я отвечу строгим «нет»! – засмеялась я, и мой смех подхватили девчонки, и даже Микки, стоящий за барной стойкой.

Все в этот вечер заиграло другими красками. Все, кроме угрюмого мистера X за барной стойкой, который был то ли глухим, то ли слепым, то ли все вместе.

Вдоволь натанцевавшись, мы упали на стулья, ловя непонимающий и осуждающий взгляд Донны.

– Это было аморально, – затараторила она.

– Спокойно, мамочка, через неделю экзамены, дай нам повеселиться, – попросила Кирби.

Опустошив стакан с холодной газированной водой, я блаженно выдохнула.

– Не могу поверить, он ни разу не обернулся даже, – сказала Лола, разглядывая спину в черной джинсовой куртке.

Видимо, мистер «у меня палка в заднице» мнил себя кем-то вроде принца, либо предположение по поводу маньяка было верным, и он просто выжидает, затаившись, как самый настоящий охотник.

– Топ три тупых подката? – спросила Кирби спустя двадцать минут.

Все уставились на блондинку, словно она была статуей.

– Ну, давайте, три тупых подката, – снова повторила она. Кирби любила подбрасывать всем задачки.

– Ты, должно быть, устала, ведь весь день крутилась у ме-

ня в голове, – сказала Лола.

Я скривила губы, услышав такой отвратительнейший подкат.

– Третье место, – объявила Кирби. – Следующий! Давай, Дон-дон, я знаю, ты справишься!

Донна задумалась на несколько секунд, затем в ее глазах появился шаловливый огонек, и она выдала:

– Ты сидела в сахаре? Ведь у тебя очень сладкая попка!

Уже лучше. Все рассмеялись.

– Ладно, это достойно второго места. Перри.

Я стала перебирать в голове сотни вариантов того, как можно подкатить к парню или девушке, но вспомнила только один.

– Ты любишь сладкое? Потому что я уже готова скрутить тебя в сексуальный рогалик.

– Бам. Бам. Бам. Первое место уходит мисс «подкат» Перри Митчелл! – воскликнула Кирби, ехидно посмеиваясь.

Это был сарказм.

– Все они ужасны, – выдохнула Лола.

– Да, самый настоящий отстой! – подхватила Донна.

Кирби заговорщицки потеряла ладони.

– А это мы сейчас и проверим, – сказала она. В ее глазах плескались смешинки, и я знала, что до добра это точно не доведет.

В школе я была заводилой, а Кирби с легкостью подписывалась под каждой моей идеей. Но иногда она выдавала соб-

ственные, и обычно они были куда чуднее моих.

– Кто ходит на разведку? – ухмыльнулась она, кивая в сторону широкой спины за баром.

– Нет, Кирби, это может быть опасно, – предостерегла ее Донна.

Кирби с серьезным видом повернулась ко мне.

– Мисс Опасность, вы как?

Я прикусила нижнюю губу, оценивая все риски. Думаю, ничего страшного не произойдет, если я решу немного подружиться с этим мрачным типом. Ну, по крайней мере, я просто взгляну на его обезображенное лицо.

– Я в деле.

– Какой подкат выбираешь? – спросила Лола. Она тоже подхватила резвящееся настроение Кирби. А у меня в груди сердце переворачивалось от волнения.

Признаюсь, я трусила.

– Про рогалик.

– Отлично, – прошептала Кирби. – Вперед, подруга.

Я поднялась со стула и, чувствуя нервозность во всем теле, аккуратно пригладила непослушные волнистые волосы.

Боже, надеюсь, я не выгляжу сейчас как пугало.

В конце концов, чего я так трушу? Да, он большой, однако не выглядит буйным, ведь за весь вечер от него не было слышно ни одного слова. Он не пытался скандалить, парень вообще был словно часть декора бара и лишь иногда заказывал себе выпить.

Я подошла к стойке, решительно, но неуклюже забралась на барный стул рядом с ним.

Он звучно опустил стакан на деревянную столешницу и повернул голову в мою сторону, заставив меня обомлеть и даже приоткрыть рот в удивлении.

Пожалуй, только тяжелый взгляд сошелся. Никаких уродливых шрамов, никаких причудливых усов и никаких морщин. Он выглядел таким усталым и взрослым, хотя я понимала, что он ненамного старше нас.

Красивое и чуть вытянутое лицо, прямой нос и бледно-розовые губы. Светлая без изъянов кожа и пробирающие до самой глубины души голубые холодные глаза. Он совсем не был страшным. Привлекательный и неотразимый настолько, что я не могла отвести от его лица взгляда.

Его джинсовая куртка была расстегнута, мускулистую грудь обтянула темная футболка.

Я поймала себя на мысли, что вполне могу захлебнуться слюной, если не перестану пялиться на него. От него приятно пахло: зеленый чай, бергамот и корица. Только запах виски все портил.

– Хочешь, я сверну тебя в сексуальный роголик, малыш? – спросила я. Все мысли моментально пропали из моей головы, фраза была произнесена неверно.

Его бровь дернулась, но в остальном он совсем никак не отреагировал. Глаза его с каждой секундой становились мутнее: он изрядно захмелел. А я вела себя как ненормальная,

и зачем только про этот рогалик ляпнула?

– Трудный день? – Я легко накрыла его руку своей, в тот же момент осознавая, насколько моя рука меньше по сравнению с его. И все равно ласково сжала теплые сухие пальцы.

Он нахмурился, обратил внимание на наши руки, затем прошелся взглядом от пояса моих джинсов и выше, непозволительно долго задерживаясь на моем глубоком декольте. Его глаза похолодели: стальной взгляд выбил почву из-под моих ног.

– Послушай, все, что ни делается, – к лучшему. Не знаю, что у тебя произошло, может, твоя канарейка сдохла, или машину помяли, с предками не ладишь, как я, например, но в любом случае это не стоит того, чтобы посадить свою печень. – Я кивнула на стакан с виски, стоящий перед ним на барной стойке.

– Думаешь, мне нужны советы от кого-то вроде тебя? – прогремел глубокий грубый голос.

– М? – Я округлила глаза от столь сильного удивления.

– Взгляни на себя, твои сиськи вот-вот выпрыгнут из лифчика, подошла ко мне как самая настоящая шлюха, мечтаю, чтобы тебя отымели? – Он скинул мою руку со своей и тут же перехватил ее, крепко сжимая, не так, чтобы я смогла почувствовать боль, но так, чтобы дать мне понять, что я ему не нравлюсь – очень сильно не нравлюсь. – Тогда к чему эти разговоры? Просто скажи прямо, что у тебя зудит. Думаю, мы решим эту проблему. Я как раз искал себе подстилку на

ночь.

Закончив, он грубо схватил меня за шею и впился в мои губы в неистовом и жадном поцелуе. Я широко распахнула глаза, головокружение, вызванное резким скачком адреналина, сводило меня с ума. Его губы двигались властно, резко, длинные пальцы крепко сжимали мою шею, однако я совсем не чувствовала боли. При всей его неотесанности он действовал осторожно. Я хотела оттолкнуть дикаря, но, когда его язык нежно очертил контур моей нижней губы, а из его горла вырвался странный звук, так сильно напоминающий мужской хриплый стон, я вдруг обмякла и потерялась. Он был на вкус как виски и мятный тик-так – не та комбинация, которая должна вызывать отвращение. Это был такой разительный контраст, что на секунду мне захотелось ответить на поцелуй.

Нет, черт возьми!

Я пришла в ужас от мыслей, меня целовал пьяный незнакомец в баре, перед этим оскорбив и фактически обозвав кем-то вроде проститутки. Я разозлилась и оттолкнула его, перед этим больно укусив за губу. Внутри меня кипел страх, но достаточно быстро на смену ему пришла ярость. Я вдохнула поглубже и плюнула в него.

Взгляд парня переменялся, потемнел еще сильнее. Его рука снова подтянула меня к нему, большой палец очертил контур моих губ и прошелся по подбородку, нежно поглаживая его. Он всматривался в мои глаза, словно хотел увидеть там

ответы на все терзающие его вопросы, но я не могла ответить ни на один из них.

– Не смей прикасаться ко мне, – прошипела я, стораю от его взгляда, словно спичка. Если он сожмет руку, то легко перекроет мне доступ к кислороду.

Его губы изогнулись в злой усмешке.

Дьявол! Да он в стельку пьян. Я даже не уверена, что в таком состоянии он способен различать лица перед собой.

– Больно надо руки о тебя марать. Признайся, на секунду ты задумалась о том, чтобы раздвинуть передо мной симпатичные ножки, не так ли?

Мне вдруг нестерпимо захотелось ударить его, но я не стала делать этого, решила воспользоваться советом и не марать руки о мудака.

Что больше разозлило меня: его грубость или то, что лишь на секунду я действительно почувствовала влечение к этому большому, пьяному и неотесанному придурку?

Взглянув на него в последний раз, на то, как он вытирает мою слюну с лица тыльной стороной руки, я пошла к девочкам.

– Пойдемте отсюда, – скомандовала я.

– Почему он поцеловал тебя? – спросила Кирби.

Потому что принял меня за проститутку? Решил прочить за то, что я веду себя подобным образом в темном глухом баре, который полон незнакомцев? Или был просто настоящим кретином? Понятия не имею.

Я обернулась и заметила, что он пристально смотрит – смотрит не на нас, а только на меня.

Чертов маньяк.

– Скорее, девочки.

Я поторопила их, мы оставили на столе деньги за выпивку, чаевые и ушли. Пора было возвращаться в город.

Тогда я не знала, с кем встретилась. Однако уже через пару месяцев я проходила стажировку на спортивном канале и увидела его лицо в новостях.

Макс Зверь Пауэлл.

Грубый мудака, капитан команды «Дьяволов» и мой кошмар.

Глава 4

Перри

Взрослые мужики пищат от восторга, когда видят Зверя на льду. А девочки... Ну, для девочек приходится вызывать скорую, потому что ни одна из них не может спокойно смотреть на Пауэлла.

В прошлом году я обзревала игру «Дьяволов» в новостях. Тогда началось что-то поистине адское. Девушки решили обменяться джерси⁶. Все транслировалось в прямом эфире, и момент видели не только на арене. Насколько десятков голых грудей и грудей в бюстгальтерах. Флешмоб в поддержку Зверя.

После игры у него спросили, как он относится к подобным проявлениям любви фанатов, Зверь не дал комментариев. Он вообще предпочитал участвовать только в послематчевых конференциях и отвечал исключительно на вопросы об игре. Я ничего не знала о его прошлом, о его семье и детстве. Никто не знал. Зверь не распространялся о личном. Он был холодным, как айсберг, и непробиваемым, как камень.

Женская половина Америки была без ума от него. Думаю,

⁶ Джерси – составляющая часть хоккейной формы игрока. Свитер надевается поверх хоккейной экипировки и предназначен для обозначения принадлежности хоккеиста к команде (клубу) и распознавания отдельного игрока по номеру и фамилии.

дело в том, что он невероятно хорошо сложен. Широкие плечи, мощная спина, сзади у него словно были крылья, когда он разводил руки в стороны, эти крылья раскрывались. Шесть кубиков пресса. Не плоского «молодого» пресса, а такого, что можно здорово ушибиться, если влететь в него головой. Мышцы были рельефные, на вид твердые, как волокна стали. А изюминка – его рост. Зверь был не меньше ста девяноста четырех сантиметров. Настоящий бог, идол, человек, который к небу чуть ближе, чем все остальные.

Несмотря на богатые внешние данные, Зверь не снимался для модных журналов и не выкладывал много фотографий в социальные сети.

Пауэлл не светил свою личную жизнь, его никогда не видели с девушкой. Год назад даже пошел слухок, что он предпочитает мужчин. Но слухок быстро погас, ведь с мужчинами Зверя тоже не видели. Аура загадочности в том числе влекла к нему фанаток со всего мира. Всем ведь интересно, какие скелеты хранятся в шкафу Макса Пауэлла – тринадцатого номера и капитана «Дьяволов Нью-Хейвена».

Всем кроме меня, естественно.

Я подождала Майка у раздевалки команды. Парни, выходящие оттуда, постоянно бросали на меня любопытные взгляды. Мой парень вышел только через пятнадцать минут. По вопросительному взгляду Майка я поняла, что он не ожидал меня здесь увидеть и более того, кажется, не хотел этого.

– Мы же договаривались, что я приеду к тебе, – неловко

отозвалась я.

Майк почесал затылок и немного оттеснил нас от двери.

– Договаривались, но я думал, что ты подождешь в машине, – сказал он.

Меня мгновенно охватило раздражение, иногда Майк перегибал со своими чувствами.

– Снова ревнуешь меня к каждому столбу? Может, посадишь меня в клетку и будешь носить с собой? – недовольно выпалила я.

Майк обвил мою талию рукой и мягко поцеловал меня в губы. Я раскрыла рот и позволила ему пробраться внутрь, неспешно лаская мой язык. Майк был только из душа, от него приятно пахло. Я запустила пальцы в его влажные волосы и страстно сжала их, срывая с губ моего парня сладостный вздох.

В этот момент шумно распахнулась дверь раздевалки, и оттуда вышел еще один сокомандник Майка, а следом появился Зверь.

Я мягко закончила поцелуй и бросила взгляд на Пауэлла. Он был в свободных спортивных штанах черного цвета и в тон им худи. Кажется, с того дня в баре «У Микки» он стал еще больше.

Даже находясь в четырех метрах от него, я увидела, как он нахмурил брови.

Неужели узнал меня?

Впрочем, Зверь не стал награждать меня своим внимани-

ем дольше секунды, он поправил ремешок большой спортивной сумки на плече и зашагал по коридору к выходу.

– Перестань, малышка, просто ты очень красивая, а некоторые хоккеисты не в состоянии контролировать свои порывы, – сказал Майк, заставляя меня отвлечься от мыслей о Звере.

Порывы?

– Ну а я тут при чем?

Майк тяжело вздохнул и, взяв меня за руку, повел к выходу.

– Ни при чем. Все, давай замнем тему. Как дела? Ты устроилась на работу? – спросил он.

– Я устраиваюсь корреспондентом. Буду отвечать за хоккей, – объяснила я, решив не вдаваться в подробности.

– Снова мелькать в телевизоре? – с возмущенной интонацией в голосе переспросил он.

– В каком смысле мелькать?

Майк никогда не любил то, чем я занималась. При этом он всегда восторгался моей внешностью и любил показываться со мной на людях. А вот когда я появлялась на экране телевизора, он начинал ревновать. Иногда он читал мои сообщения в одной социальной сети и отвечал на все комментарии под моими фото. Посылал людей, писавших мне непотребные вещи, а потом долго злился, и почему-то всегда на меня.

Даррелл промолчал, но его взгляд говорил о том, что он снова недоволен мною. Я пыталась абстрагироваться от

неприятного ощущения, появившегося внутри после перемены настроения моего парня, но все было тщетно.

Мы вышли на парковку перед центром, я открыла машину, но перед тем, как сесть, взглянула на Майка.

– Я буду заниматься тем, чем хочу. И ты должен это принять, – подавляя рвущуюся наружу нервозность, но стараясь казаться жесткой и бескомпромиссной, предупредила я. – Ты не можешь говорить мне о том, что я должна или не должна делать, иначе...

– Что? – резко спросил он. – Иначе что, Перри? Уйдешь от меня? Останешься совсем одна, и кто тогда будет рядом?

Если Майк бросит меня, или если я уйду от него, то действительно останусь одна. Кроме него у меня никого не было. Он единственный, кому я могла доверять, ведь мы вместе, казалось, всю жизнь. С мамой у меня ужасные отношения, а лучшая подруга живет в Бостоне. Мне не хотелось оставаться одной, тем более каким бы сложным ни был Майк, он очень дорог мне.

– Я не уйду, – вздохнув, ответила я, виновато поглядывая на своего парня. – Но мне просто хочется, чтобы ты знал, как мне неприятно твое недоверие.

Он сжал зубы, прожигая меня сердитым взглядом, и кивнул, садясь в мою маленькую красную «Искорку».

В груди разливалось что-то мерзкое. Черное, густое и ядовитое, словно мазут. В такие моменты мне казалось, что весь воздух вокруг меня исчезает. С другой стороны, Майка тоже

можно было понять.

Я собиралась уже сесть в машину, но почувствовала, что кто-то смотрит на меня. Оглянувшись, я заметила *Ego*. Привалившись к большому черному «Ренджроверу», он беззастенчиво наблюдал за мной.

Он видел ссору. Наверняка слышал наш разговор.

Махнув на это рукой, я села в машину и вырулила с парковки «Скалы».

Мне нет дела до Зверя.

– Где Майк? – спросила Кирби, на ходу откусывая кусок пиццы.

Вечером мы решили созвониться с подружкой по видеосвязи. Она как раз ужинала. Глядя на то, с каким аппетитом она уплетает пиццу, я почувствовала, как мой живот заурчал.

– Он с ребятами ушел в клуб, – ответила я, вспоминая слова моего парня. Они часто выбирались повеселиться со своей прежней командой, с переходом в новый клуб ничего не изменилось.

– Ты всегда так просто отпускаешь его. Не боишься, что он может изменить тебе? – удивленно спросила подруга. – Он ведь все-таки известный хоккеист, к тому же симпатичный.

Я не была сторонницей привязывания партнера к лодыж-

ке.

– Если он захочет изменить, то он изменит, и не важно, просто я его отпускаю или нет. Я доверяю Майку. Он честный и порядочный, а еще слишком сильно боится потерять меня. Он не предаст, я уверена.

Кирби фыркнула.

– Он мне все еще не нравится.

Она точно не была фанаткой Майка, подруга считала, что в этих отношениях он меня подавляет. Но я была другого мнения. Каждый из нас обладал как хорошими, так и плохими качествами. Его плохими качествами были ревность и вспыльчивость.

– Он и не должен тебе нравиться, – усмехнулась я. – Главное, что он нравится мне.

– Вот именно, нравится.

– Вернее, я люблю его... наверное, – сказала я.

Я не чувствовала с Майком чего-то грандиозного, о чем писали в любовных романах, но, с другой стороны, мне и сравнить то не с чем было. Мой опыт в школе и колледже не показал мне любви. Думаю, то, что я боюсь его потерять, и есть любовь.

– Подумай над тем, стоит ли тратить свою жизнь на человека, который постоянно ставит себя выше тебя. В отношениях вы должны стоять на одной линии. Где баланс? – спросила Кирби.

– Хватит. Есть у нас баланс, давай не будем об этом.

С тех пор как она занялась этой фэншуйской ерундой, во всем ищет баланс.

Кирби лишь пожала плечами и изобразила что-то вроде гримасы отвращения на лице.

– Как там Донна? Мы не общались уже почти год.

– Она изменилась, – сказала я, вспоминая новую Донну. – Стала более раскованной. Ведущая спортивных новостей на местном телеканале.

– Да ну? Донна? Как она отважилась на это? – недоумевала подруга.

– Вот так. А один парень, мой коллега, рассказал, что она ведет себя как самая настоящая дива.

– Наша скромница Донна? – переспросила Кирби.

– Боюсь, она больше не скромница.

Кирби замолчала на несколько секунд, пережевывая кусок пиццы.

– Вы будто поменялись с Донной местами.

От этого ее замечания я погрустнела. Я всегда боролась с прорастающим во мне желанием соревноваться и превосходить всякого на своем пути, будь то соперники или друзья, а сейчас выходит, что я проигрывала. Только с Майком я не соревновалась, ну и с Кирби, разумеется. Подруга была журналисткой и работала в одном известном женском журнале.

– Я сама это чувствую. Она стала дивой, а я забыла, когда в последний раз в клуб выбиралась.

– Нужно это исправлять. Я приеду и вытащу твою задни-

цу в какой-нибудь бар. Не отвертись! – грозно прорычала она.

Я рассмеялась, смех подхватила Кирби.

– Кстати, Донна все еще красится в этот морковно-рыжий, который ей совершенно не идет?

Изогнув губы, я кивнула.

– Зачем же она это делает? – недоумевала подруга.

– Должно быть, ей нравится, – предположила я.

– Нравится себя уродовать?

– Ее право.

– Не поспоришь.

Было еще кое-что, о чем мне хотелось рассказать подруге.

– Помнишь Пауэлла? – спросила я.

– Твой бывший?

Кирби улыбалась, видимо, она понятия не имела, о ком я ее спрашиваю.

– Нет. Призрачное лицо из бара «У Микки», – напомнила я.

Послышался долгий возглас подруги, а затем она поперхнулась диетической коллой.

– Мудак хоккеист? – прокашлявшись и воспользовавшись салфеткой, спросила она.

На ее колени запрыгнул пятнистый померанский шпиц по имени Чарли.

– Да.

– Конечно, помню. Экземпляры вроде него не забывают-

ся.

Я достала замороженную лазанью из морозилки и поставила телефон на стол, чтобы не мешал, а затем закинула упаковку в микроволновую печь.

– Он капитан «Дьяволов», – сообщила я, попутно выставляя время и мощность подогрева.

– О. Мой. Бог! Ты не говорила, что Даррелл будет играть с самим Сатаной.

– Я и сама не помнила, что Зверь играет в этом клубе.

– Когда ты увидишь его? – спохватилась подруга. – Перри, он же узнает тебя!

Не узнает. Он уже не узнал.

– Расслабься, мы виделись сегодня. Никакой реакции.

Подруга вздохнула с облегчением.

Я обернулась и сложила руки на груди.

– И это неудивительно, в тот вечер он был слишком пьян, чтобы запомнить меня.

– Трезвый он такой же или нет? – с интересом в голосе спросила она.

– Пока не знаю, я не общалась с ним. Просто видела его, а он видел меня. Кажется очень отстраненным от внешнего мира. Волк-одиночка, как и в тот вечер.

– Пусть только попробует сказать тебе что-нибудь плохое. Задницу надеру.

Я рассмеялась. Сомневаюсь, что у Кирби это получится.

Никому до сих пор подобное не удавалось. Пока надирал

Задницы ТОЛЬКО он сам.

Глава 5

Перри

Утром мне показали мое рабочее место. Небольшое пространство в самом углу у окна, выходящего на сторону парковки. Серый стол и твердый офисный стул. На столе стояла коробка с какими-то листами и папками. За перегородкой находился еще один стол. Это было место Джея – парня, отвечающего за новости и репортажи о футболе.

Я заглянула к моему новому знакомому. Серые перегородки по бокам, как и его стол, были обклеены плакатами в стиле ретро, над столом висела доска для маркеров, вся заполненная разноцветными стикерами. На самом столе было штук пять фигурок футболистов и парочка фигурок супергероев из одной популярной киновселенной. Я не очень любила такие вещи, они только пыль собирают, однако и у меня была одна фигурка – мини-копия хоккеиста – моего Майка. Когда-то она была куплена в шутку, но совсем скоро стала неотъемлемой частью моего рабочего стола.

– Эй, коллега, – тихо позвала я. – Можно на минутку.

Моргнув несколько раз, Джей кивнул, захлопнул лэптоп и встал со стула.

– Что такое?

Вместе с ним мы подошли к моему столу, и я указала ему на коробку с чужими вещами.

– Это, я так понимаю, принадлежит корреспонденту, который работал здесь до меня?

Джей бесцеремонно уселся за стол и принялся вытаскивать чужие бумаги из коробки.

– Роб ушел несколько месяцев назад. Когда он покинул нас, был как раз конец хоккейного сезона, а следом и чемпионат мира по хоккею. Репортажи вела Дарси, а она, между прочим, специализируется на реслинге.

– Мне жаль, – тихо сказала я. – Должно быть, Роб был очень хорошим человеком.

Джей изогнул губы и раскрыл синюю папку.

– Ну, как тебе сказать. Жуткий скряга и зануда. А еще он любил опаздывать.

Я какое-то время молчала, сомневаясь, спрашивать мне или нет, но внутреннее любопытство победило.

– А от чего он умер?

Джей замер и окинул мое лицо непонимающим взглядом.

– Умер?

– Ну, ты сказал, что он «покинул вас»...

– Нет! Ты все не так поняла, – засмеялся он. – Роб не умер, переехал в Мичиган.

Я была сильно удивлена тем, какую формулировку подобрал Джей, чтобы описать чей-то переезд.

– Ладно, – лишь ответила я, будто только что не похоронила незнакомого мне человека. – И что мне делать со всеми этими вещами? Может, отправить их ему службой доставки?

Джей покачал головой и встал из-за стола.

– Не думаю, что они ему нужны. Роб не собирался больше заниматься спортивной журналистикой. Я же говорю, он скряга и не оставил бы нужные вещи.

– А это что такое? – спросила я, указывая на один интересный листок.

Здесь были собраны все игроки «Дьяволов», за исключением моего Майка и еще одного парня-новичка, перешедшего из «Ванкуверских Ракет». Напротив большинства игроков стоял зеленый кружок, у пятерых стоял желтый и только около Зверя был красный.

Джей выхватил листок из моих рук и пробежался по нему внимательным взглядом. Я заметила, что и на других листах, где значились остальные хоккейные клубы, есть такие же круги.

– Так Роб помечал общительность хоккеистов, – пояснил Джей, возвращая листок мне в руки.

– В каком смысле «общительность»? – со скептической улыбкой спросила я.

– Цвет кругов говорит об открытости и готовности к разговорам. Зеленые – это те, кто всегда дает интервью. С желтыми чуть сложнее, могут начать набивать себе цену. А красные – молчуны.

Красным был отмечен только Зверь, однако молчуном его точно не назвать. Сколько «замечательных» вещей он наговорил мне в первую нашу встречу.

– Красные не дают интервью? – удивилась я.

– Не-а. Не дают никогда и ни за что.

Хоккеисты не самые тщеславные люди, некоторые даже скрытные, но о себе и своей жизни рассказывают многие хотя бы для того, чтобы выразить благодарность родным за их непрекращающуюся поддержку.

Поблагодарив Джея за помощь и отправив его назад, я решила поискать информацию о Звере. Я прошерстила интернет вдоль и поперек – ничего. Он не давал интервью, когда был в Юниорской лиге, отмалчивался после первого хет-трика. Не обмолвился и словом, когда его в двадцать один год поставили капитаном американской сборной. Зверь молчал, даже когда его команда выиграла чемпионат мира по хоккею, и никак не прокомментировал свой рекорд по количеству забитых шайб за чемпионат.

Как оказалось, он даже от профессиональных вопросов ускользал. На послематчевых конференциях все вокруг него на цыпочках ходили. Либо его это было такого размера, что запросто могло стать еще одной вселенной, либо Зверь не хотел внимания к своей персоне.

Все, что было известно о Максе, так это его рост, вес, заслуги в спорте и место рождения. А родился он в Вашингтонском Сиэтле.

Кто же ты такой, Макс Пауэлл?

Ответ на свой вопрос я нашла чуть позже, когда оказалась на арене, чтобы посмотреть матч «Дьяволов» с «Королями Нью-Йорка».

С моим новым знакомым и коллегой Итаном мы отсняли несколько репортажей и поговорили с ребятами из клуба. Итан предложил посмотреть игру с зоны для прессы, но я отказалась, отдавая предпочтение трибунам. Помимо репортажа мне нужно было отследить самые яркие моменты матча, чтобы в первые пятнадцать минут после окончания игры написать сносную коротенькую статью-обзор и отправить ее редактору, которая, в свою очередь, опубликует ее на сайте.

Я была в восторге, потому что все яркие моменты матча принадлежали Максусу. Он был настоящим профессионалом. То, как он филигранно ассистировал сокомандникам или шел в атаку сам, заставляло меня трепетать, вжавшись в неудобное сиденье.

Невероятное зрелище. Такой поистине завораживающей игры я давно не видела.

Хоккеисты обычно делятся на два типа: первые – здоровяки. Высокие, широкоплечие, с мощными ногами и огромными руками, одним словом: парни больших размеров. Они делают то, от чего жаждающая толпа приходит в дикий восторг: обращаются с противниками как с расходным материалом.

Огромные и устрашающие, словно гора. Их тела – это на-

глядный образец для изучения мужской мускулатуры. И они превосходно выполняют свою функцию, чаще всего играя на позиции защиты. Их главная задача – не забивать, а внушать страх в противника и создавать помехи и препятствия.

Забивают другие ребята – ловкачи. Как правило, эти парни ростом не выше ста восьмидесяти восьми сантиметров, не такие широкие в плечах. Чаще всего они играют на позиции нападающего и обходят соперников на льду с кошачьей грацией и изяществом. Настоящие мастера и виртуозы. Их навыки и хоккейные клюшки рождают самые красивые голевые передачи⁷ и чистые голы.

Скажу честно, я обожаю наблюдать за движениями бомбардиров⁸.

Зверь был другим, обладая огромными габаритами и ростом в сто девяносто четыре сантиметра, он был центральным и правым бомбардиром «Дьяволов». Он впечатывал противников в стекло, вбивал их в лед, а далее перехватывал шайбу и бил точно в цель. Зверь относился к особой категории. Он был богом на льду. Именно поэтому каждый владелец клуба НХЛ хотел его себе. С Максом готовы были заключать контракты на поистине гигантские суммы. Таких, как он, – единицы в современном хоккее.

Мой парень, например, левый нападающий, и рост его составляет сто восемьдесят семь сантиметров. Он ловкий и

⁷ Голевая передача – передача (пас) одного игрока другому перед голом.

⁸ Бомбардиры – результативные хоккеисты – нападающие.

быстрый, однако против Зверя ему не выстоять.

Громкий сигнал объявил об окончании матча. Толпа на трибунах начинала бесноваться. «Дьяволы» выиграли со счетом четыре – один, а это значит, что сейчас среди особо буйных фанатов может начаться потасовка. Поэтому я поспешила убраться с трибун.

Через некоторое время, когда хоккеисты привели себя в порядок после матча, началась пресс-конференция. За трибуной уселись Ник Эшбрук, левый нападающий команды, и Зверь.

Ник практически не привлек моего внимания, в отличие от Макса. Волосы Пауэлла были все еще влажными после душа, он зачесывал их назад, но непослушные пряди выбивались и спадали на лоб. Гладковыбритые щеки заалели, что сильно выделялось на бледном лице. Свободное черное худе с логотипом клуба не могло скрыть его бугристых мышц и стальной, как у супермена, груди. Низкий ворот открывал вид на крупные ключицы, жилистую шею и милую ямку у основания шеи.

Я старалась прогнать из головы мысли о том, как потрясающе он выглядел, но предатели лезли в нее снова, заставляя меня раз за разом скользить взглядом по его прямому носу, сжатым губам и точеному подбородку.

Пауэлл скучающе оглядывал зал для конференций, пока не дошел до моего лица. Темная бровь едва заметно дернулась. Я замерла, пойманная в капкан холодных голубых глаз.

В течение нескольких долгих секунд он разглядывал мое лицо, но затем Ник что-то шепнул ему, и тогда Макс потерял ко мне всякий интерес.

– Давайте начнем, – раздался голос представителя команды, и на хоккеистов посыпались вопросы.

Во время конференции я избегала смотреть на него, почему-то Зверь вызывал в моей душе странное волнение.

Лишь раз мне удалось задать вопрос, ведь меня перебивали и игнорировали. Все дело в том, что в этом зале сидели одни мужчины. Было неприятно осознавать, что только меня здесь не считают журналистом.

Я помню истории Робин Херман⁹ – журналистки «Таймс»¹⁰. Она активно боролась за права журналисток в «мужской» среде обитания. Во время работы ей пришлось столкнуться со многими неприятными вещами в мужских раздевалках. Ее выгоняли, оскорбляли и грубили ей. Хоккеисты могли посмеиваться над ней и ее коллегами женщинами, могли дурачиться: специально выходили из душевой обнаженными, провоцируя, и делали странные непонятные вещи. Например, когда игрок одного клуба в присутствии журналисток сорвал полотенце с сокомандника.

Враждебное отношение к журналисткам в хоккее сохра-

⁹ Робин Херман – американская писательница и журналистка. Она была первой женщиной-спортивным журналистом газеты «Нью-Йорк таймс».

¹⁰ Имеется в виду американская ежедневная газета «The New York Times», издающаяся в Нью-Йорке 1851 года.

нилось, поэтому представительницы прекрасного пола редко шли работать журналистами в мужской вид спорта.

Пресс-конференция была окончена, и я отправилась на поиски моего Майка, он хорошо сыгрался с командой и внес вклад в первую победу «Дьяволов» в этом сезоне.

Сама не заметила, как вышла к арене. С десятков персонала «Скалы» убирали трибуны после матча. Одинокие стаканчики и обертки из-под еды валялись между рядами. В самом низу я заметила чьи-то широкие плечи. Это был Макс. Он сидел в первом ряду и смотрел на лед. Через два сиденья от него на полу лежали сто долларов одной купюрой. Я тихо подняла их и подошла к Зверю.

– Думаю, мы должны познакомиться, – сказала я, возникшая прямо перед ним и загораживая Пауэллу обзор на ледовую арену.

Он долго смотрел на пояс моих свободных джинсов и заправленную в них объемную футболку. Очень медленно, даже лениво, голубые глаза поднялись выше, сталкиваясь с моими зелеными.

– Лучше не думай, – сказал он.

– Что?

Зверь встал, возвышаясь надо мной, и сунул руки в карманы спортивных штанов.

Мне пришлось вскинуть голову, чтобы смотреть на него. Я невольно вжала шею в плечи от столь сильного давления, которое оказывали на меня его габариты.

– Я друзей не ищу, – холодно бросил он.

До меня донесся чистый запах его кожи и мужского све-жего геля для душа. Вместе со страхом неизведанного во мне вспыхнуло что-то еще – что-то вроде интереса. Каково дру-жить с Максом Пауэллом? Всегда ли он засранец или только каждый день?

– Я и не стремлюсь стать твоим другом, но если я буду часто с вами работать, то нужно быть знакомыми, – поспе-шила ответить я.

В прошлый раз его глаза были замутнены алкоголем, те-перь они были ясны, как солнечное утро после грозового до-жда. Я вздрогнула, чувствуя мурашки на коже.

Это холод от арены так влияет на меня или его взгляд?

– Кому нужно?

– Ты издеваешься? – не понимала я.

Он дернул подбородком, что, как я полагаю, означало «нет».

Черт возьми! Я хотела настучать по его большой и само-довольной голове. Какой же тяжелый человек передо мной стоял! Я ему не свадьбу предлагала, а просто познакомиться, потому что я профессионал и хочу со всеми игроками и дирекцией клуба выстроить адекватные, строгие, но теплые профессиональные отношения!

Пересилив то, что ядовитыми потоками заструилось в мо-ей груди, я вытянула руку вперед:

– Меня зовут Перри.

– Как Перри-утконос¹¹? – спросил он, заставляя меня одной фразой прийти в еще большее возмущение.

– Нет! – фыркнула я. – Знаешь, мне не нравится, когда со мной разговаривают в таком тоне.

– Тогда удачи, Перри-утконос, – бросил он и развернулся, чтобы уйти.

– Я не утконос! – выкрикнула я. – И, кстати, ты уронил сто баксов.

Он остановился, пошарил в карманах штанов, затем лениво взглянул на меня через плечо.

– Оставь себе, – ответил Зверь.

Ну уж нет!

Я резко подошла к нему и сунула руку в карман его штанов, случайно касаясь его бедра и... Даже думать не хочу, чего еще я могла там коснуться, определенно чего-то большого, как и он сам. Это было неловко, к моим щекам прилил жар.

Он обернулся и все с тем же безразличием в глазах наклонил голову, как бы задавая мне вопрос.

– В такие моменты нормальные люди говорят «спасибо», – напомнила я, маскируя за раздражительностью свою растерянность.

– Я не просил этого делать. Нормальные люди также не делают то, о чем их не просят.

¹¹ Перри-утконос – мультипликационный персонаж мультсериала «Финес и Ферб». Утконос, ведущий двойную жизнь.

– Это называется вежливостью!

На щеке Макса едва заметно дернулась мышца, как если бы я смогла хоть на секунду вывести его из себя.

– Если после этого ты требуешь благодарности, то к вежливости это не имеет никакого отношения, – сострил он.

Я была так зла, что начала дышать как самый настоящий буйвол, а Макс казался спокойным и непробиваемым как бетонная стена. Однако никто из нас не решался прервать зрительный контакт.

– Дай мне интервью, – дерзко потребовала я. С такими парнями как Пауэлл нужно общаться на их языке.

– Я все сказал на пресс-конференции, ты не записала и тебе нужно по два раза повторять?

– Мне нужно не такое интервью, – покачала головой я.

– А какое?

– Личное...

Пауэлл мгновенно ошетинился:

– Нет.

– Почему?

Он отошел от меня на шаг.

– Я не говорю о личном с журналистами. И, кстати, не выходи ко льду, одетая как типичная калифорнийская девчонка, – бросил напоследок Зверь и ушел, оставляя меня одну.

Его фраза по поводу калифорнийской девчонки – это просто случайно брошенные слова или он все-таки знает, кто я?

Глава 6

Перри

Донна была хороша в роли ведущей спортивных новостей. Ее дикция заметно изменилась в лучшую сторону со времен колледжа. Подруга стала увереннее и раскованнее.

Когда-то я, Кирби и Лола думали, что Донна пойдет в какой-нибудь журнал о финансах или экономике. Она всегда была самой серьезной и в то же время зажатой из всех нас. Однако она решила пойти в спортивную журналистику, хотя так же, как и я, не интересовалась спортом.

Меня не привлекала спортивная журналистика до третьего курса. Я ведь родилась в Беверли-Хиллз у дивы американского кино – Линды Бейли. Мама мечтала, чтобы я пошла по ее стопам и стала актрисой, но меня не прельщало торчать по шестнадцать часов на съемочной площадке. Еще она хотела, чтобы я стала моделью, но, увы, я не вышла ростом, да и моя фигура была далека от модельных стандартов.

Она растила меня, окружая тем, что в ее понимании было «заботой», только бы я была красивой, как алая роза. Но стоило мне воспротивиться ей и выпустить шипы, она приходила в бешенство. Мама была недовольна мной. Я никогда не могла соответствовать ее представлениям об идеальной дочери.

Когда я заявила о журналистике, мама практически впа-

ла в кому, так она говорила. Единственная дочь решила при-
мкнуть к лагерю желтушников, коими, по ее мнению, были
все журналисты. «Будь хотя бы модным обозревателем», –
говорила она. А я ослушалась и после третьего курса выбра-
ла стажировку на телеканале Live Sports. Я хотела и вовсе
свести ее с ума и стать военным корреспондентом где-нибудь
в Йемене, но, к сожалению, я не настолько храбра, чтобы
снимать репортажи под пулями.

– Я без сил, – сказала Донна, падая на диванчик в комна-
те отдыха. Рядом с ней сел Джей, он долго сканировал лицо
Донны любопытным взглядом, затем сказал:

– Ты же всего в одной программе отснялась.

– И что? Я выложились на все двести процентов! Поэтому
я устала.

Донна расправила вьющиеся рыжие волосы, которые се-
годня были идеально уложены. В отличие от меня, она не
пренебрегала косметикой и укладками, Донна была при пол-
ном параде перед каждой съемкой, и это не было заслугой
ее гримера.

Закончив с волосами, она взглянула на меня.

– Как тебе удастся выдерживать такой цвет? – вдруг спро-
сила она.

Выдерживать? Это еще что значит?

– Этот цвет – мой натуральный, – пожала плечами я.

Донна скептически изогнула бровь.

– Но у твоих волос слишком насыщенный оттенок, а еще

они переливаются красным.

– Да, но я совсем ничего не делаю, чтобы они были такими, – честно призналась я.

– Везет, – уныло отозвалась она. – Мне сегодня нужно еще успеть к своему стилисту. Корни уже отросли.

– Зачем ты вообще красишься в рыжий? – с ярким любопытством в голосе спросила я. – Тебе ведь так идет твой родной цвет.

– Мне нравится больше с рыжими, – отмахнулась Донна, – к тому же мой мужчина от них без ума.

Джей говорил, что она вроде крутит роман с Тимом – нашим начальником.

– Это странно, если парень любит тебя за рыжие волосы, – сказала Джей, и я не могла с ним не согласиться.

– Не только за волосы, много за что... Например, я очень добра, заботлива, нежна и...

– Скромна, – захохотал Джей.

Донна ощетибилась и пихнула его рукой в плечо.

Пряча навязчивую улыбку, я сложила руки на груди и зашагала в сторону маленькой кухни.

– Ты куда? – спросила Донна.

– Пить хочу, налью чая.

– Принеси мне тоже, – сказала она.

Я остановилась и хмуро взглянула на нее.

– Ой, да брось, тебе же не сложно.

Не припомню, чтобы нанималась еще и официанткой, но

если не слушать мое уязвленное эго, то мне ведь действительно не сложно.

– Я не понимаю, почему бы Тиму не повысить мне зарплату? – спросила Донна. Полагаю, это был риторический вопрос. – Вечно говорит что-то о распределенном бюджете...

– Донна, детка, помни, что ты работаешь в этой студии не одна. А сегодня ты опоздала на полчаса, и я не понимаю, почему бы Тиму не уволить тебя? – смело бросил Джей.

На моих губах заиграла улыбка. Я не могла не согласиться с ним, ведь тоже раньше была телеведущей, но никогда не задерживала съемки опозданиями. Я была пунктуальна как часы.

Громкое фырканье Донны было слышно даже на кухне.

– Подумай, кто лицо этого телеканала. На опоздания никто не смотрит, пока мои рейтинги держатся на достойном уровне.

Я с такой силой сжала кружку, что заболели пальцы. Новая Донна была ужасной зазнайкой, кажется, я скучаю по Донне-монашке. И я скучаю по Донне, которую могла назвать подругой, эта Донна была сущим кошмаром и использовала меня как свою личную ассистентку.

Вчера она попросила перепечатать ее листы для ведения новостей, она пролила на них кофе, а ее ассистенток не оказалось на месте. Сомневаюсь, что в их отсутствие этим должна заниматься я. После я три раза делала ей кофе, ведь «мне не сложно».

Из большого количества «мне не сложно» вырастает огромное «я буду ездить на тебе, пока ты не уйдешь с этого телеканала». Поэтому я решила, что это последний раз, когда я выполняю поручения Донны. Мы, конечно, давно знакомы, но это не дает ей право пользоваться моей добротой.

– Ты сегодня свободна? – спросила Донна, забирая кружку из моих рук.

– Буду на игре «Дьяволов», – ответила я.

От осознания того, что мне снова придется встретиться со Зверем, меня бросило в жар. Он действовал мне на нервы. Всю предыдущую неделю Пауэлл игнорировал меня. Один раз мы встретились в коридоре, и что сделал Зверь? Ничего! Даже не посмотрел в мою сторону. Прошел мимо, будто я была частью стены. Хоккеисты могли быть сложными людьми, но со Зверем... С ним было сложнее всего. И я не понимала, почему меня вдруг это так злило.

– А после матча пойдем в клуб, повеселимся как раньше? – спросила Донна.

Джей с горящими глазами закивал:

– Да-да, я тоже с вами, будет весело!

Это действительно могло быть крутым вечером, если бы не одно но. Я не иду.

– Не могу, после игры мы с Майком поедем домой, – ответила я.

На самом деле мне очень хотелось повеселиться с ребятами. Ходить куда-то с Майком невозможно, он не дает мне

нормально провести время. Если же я хожу без него, то он обижается и расстраивается.

– Свидание? – спросил Джей, поигрывая бровями.

Донна издала звук, что-то между раздражением и отвращением.

Я отрицательно покачала головой.

– Обычный вечер, ужин и фильм какой-нибудь посмотрим.

Джей подрастерял энтузиазма.

– Ну вот, и ради этого ты готова отменить веселье?

– Получается, что да.

Донна шумно поставила кружку на стол и встала с дивана.

– Знаешь, прежняя Перри никогда не была такой скучной, – рассерженно выдала она и, обойдя меня, ушла из комнаты.

Еще одна разгромная игра. «Дьяволы» вырвали победу из рук «Питсбургских Рыцарей».

После игры мне удалось взять короткое интервью у нескольких хоккеистов, в том числе у моего парня. Для галочки мне хотелось получить ответы от еще одного игрока. И я как раз застала его на выходе из раздевалки.

Зверь шел прямо на меня, огромный, словно локомотив. Все в том же черном худи и спортивных штанах. И когда мы

почти поравнялись, я ожидала, что Макс остановится, но он прошел мимо, едва не задев меня плечом и не сталкивая с пути.

Большой и глупый-глупый болван!

– Стой! – крикнула я, но он не остановился. – Зверь! – Ноль реакции.

Я нагнала его только у выхода из центра. Запыхавшись и чувствуя ноющую боль в ногах от бега за хоккейным придурком.

Макс остановился и обернулся, окидывая меня скучающим раздраженным взглядом, разве что глаза не закатил. Сейчас он видел во мне не более чем мошку на стекле своей машины и наверняка с радостью смахнул бы меня автомобильными дворниками. Его бровь изогнулась, как бы спрашивая, для чего я бежала за ним.

– Парочка вопросов, – сказала я, тяжело дыша и пытаюсь запихнуть подальше раздражение.

Макс взглянул куда-то поверх моей головы, словно от одного взгляда на меня ему становилось плохо.

– Я уже сказал, Утконос, я не даю интервью.

– Об интервью нет и речи, вопросы касаются игры, – объяснила я, на ходу вытаскивая из кармана джинсов смартфон.

Пауэлл выдал какой-то нечленораздельный звук, что-то между уставшим «ох» и разъяренным... Ну, в общем, второе слово будет неприлично озвучивать.

– Итак, первый вопрос...

– Послушай, ты понимаешь английский? У меня складывается впечатление, что мы говорим с тобой на разных языках, иначе как объяснить то, что ты не отлипаешь от моей задницы! – вспыхнул он, не дав мне закончить с вопросом.

– Меня твоя задница не интересует, Зверь. Хватит строить из себя капризную принцессу и ответь уже, в конце концов, на мои вопросы!

Он сощурил глаза и сжал губы в плотную белую линию.

– Ты могла задать вопрос на пресс-конференции, – немного успокоившись, сказал он.

– Если ты не заметил, то мне практически не дают слова на пресс-конференциях. Я словно предмет мебели. Я не виновата, что родилась девочкой, и заслуживаю, чтобы меня уважали в журналистском мире!

В конце я перешла на крик, по всей видимости, сильно обескураживая этим Пауэлла. Мне не хотелось взваливать на него свои переживания и проблемы, это случайно вышло.

Глаза его немного посветлели, однако холодная маска безразличия и не думала покидать его лица.

– Мне пора, – бросил Зверь и зашагал куда-то в правое крыло здания, словно что-то забыл.

Я понятия не имела, куда он направлялся и как мне вытащить хоть слово из этого огромного сиэтлского лося. Черт! Гору проще сдвинуть, чем наладить контакт с этим человеком.

Из-за несостоявшегося диалога с Пауэллом мое настрое-

ние совсем упало. Он раздражал меня, представить не могу, каково это – встречаться с таким человеком, как Макс. Наверняка его девушка ангел, потому что ужиться с его характером может либо святая, либо амеба без нервной системы.

Я никогда с ним не полажу, одних моих попыток мало, чтобы установить контакт между нами. Если не удастся вытащить из него хотя бы профессиональное интервью, я так достану его вопросами, что он каждый день будет видеть меня в ночных кошмарах.

Чуть позже я дождалась моего парня, и вместе мы направились на парковку.

У машины он вдруг остановился и оставил поцелуй на моей щеке.

– Закажем тайскую еду, устроим свидание? – спросил он.

Мы редко проводили время вместе, а сегодня мне как раз нужен был тихий спокойный вечерок, ну и, возможно, горячая страстная ночь.

– Конечно.

Я огладила ладонью его скулу и подбородок. В свете солнца на лице Майка выделялся большой шрам. Он был белым и тянулся от тонкого кончика брови в сторону линии роста волос. Майк рассказывал, что это была неприятная травма, полученная когда-то на льду. Однако она была не единственной. Моему парню ломали нос, поэтому он был немного искривлен, однако внешней привлекательности Даррелла это не портило.

Я нежно прильнула к его губам, раскрывая их, лаская языком его язык. Майк был на вкус как клубничная жвачка – его любимая, между прочим.

Отстранившись, скользнула взглядом по его подбородку, шее и...

Стоп.

А где цепочка?

– Майк, ты потерял свой счастливый кулон? – нахмурившись, спросила я.

Он опустил голову, взглянул на грудь и пошарил рукой ниже ключиц.

Там должна была находиться серебристая цепочка с кулоном в виде хоккейной клюшки и выгравированной его фамилией на ней. Мой подарок на годовщину наших отношений. Майк очень дорожил им. Говорил, что это его талисман, и никогда не снимал с шеи. А сейчас кулона с цепочкой не было.

– Точно, – сдвинув брови к переносице, ответил он. – Должно быть, в раздевалке потерялась или пока я был в душе... А может, дома сорвалась? – размышлял он вслух.

– Нет, она точно была на твоей шее утром. Перед тем, как ты вышел из машины у Скайрок-центра, я обратила на нее внимание.

Майк задумчиво почесал голову и пожал плечами.

– Тогда она где-то в раздевалке. Завтра я найду ее, детка, не переживай.

Я кивнула и, оставив еще один поцелуй на его губах, открыла дверь «Искорки». Взгляд невольно упал на мощную фигуру Зверя, который шел к черному «Ренджроверу».

Мои губы скривились при воспоминаниях о том, как он разговаривал со мной минутами ранее. Пауэлл был слишком высокого мнения о своей персоне, раз позволял себе так общаться с людьми. Либо ему не нравилась конкретно я.

Пока он не заметил меня, я поспешила сесть в машину и уехать с парковки «Скалы».

Играл он сегодня потрясающе. В который раз я убеждалась, что таких игроков, как Зверь, единицы. Именно поэтому он так зазнается. Легенды не говорят с простолюдинами.

– О чем думаешь? – спросил Майк, вытаскивая из спортивной сумки бутылку с водой.

– Зверь играл хорошо, – пожалала плечами я, не отрывая взгляда от дороги. – А его гол в конце привел всю арену в экстаз.

Макс отправил шайбу в ворота, но та ударилась о штангу, и когда все, затаив дыхание, уже думали, что гол не удался, шайба отлетела в пятую точку вратаря и отскочила прямо в ворота.

– Да, Пауэлл молодец, – фыркнул Майк.

Я знала, что у него и Зверя натянутые отношения, но никогда не пыталась разузнать, что послужило тому причиной.

– Вы же были знакомы раньше? Он тоже был задрафтован «Атлантами»...

– Интересно, откуда ты столько о нем знаешь? – как-то нервно спросил мой парень.

– Если ты не забыл, я работаю в спортивной журналистике.

– И следишь за жизнью Зверя?

Я начала закипать. Майк иногда был настоящим параноиком.

– Нет! Я наслышана о его карьере, как и о карьерах других хоккеистов. – Последние несколько дней прошли для меня в постоянном напряжении, а еще Майк подкидывал новых дровишек в мой полыхающий внутренний костер.

– Мы были друзьями, но Пауэлл вдруг решил отказаться от этой дружбы, – через несколько минут сказал он.

Вот так просто, без причины?

– Вы поссорились с ним?

– Немного, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Но ничего такого, что могло стоить дружбы. Пауэлл всегда был странным. С ним очень тяжело поладить. И я хочу, чтобы ты держалась от него как можно дальше.

Я нахмурилась, пустым взглядом упираясь в номера машины перед нами. Мы ехали по трассе.

– Что значит «держаться как можно дальше»? Нет. Другой вопрос: как ты себе это представляешь? Я корреспондент спортивного телеканала Нью-Хейвена. Работа с «Дьяволами» – моя обязанность.

– Старайся обходить Зверя стороной, Перри, он плохой

человек, – настаивал Майк.

– Тогда скажи, что плохого он сделал?

Подбородок Майка дернулся. Сразу стало понятно, что он не расскажет мне. Ну а я решила не заваливать его больше вопросами, только поссоримся.

Глава 7

Перри

– Я прилечу к тебе, как только смогу. Осталось совсем немного, скоро мы увидимся, и я смогу обнять тебя до удушения, – воодушевленно пропела Кирби, вытаскивая тарелку с салатом из холодильника.

Наш очередной разговор по видеосвязи с подругой начался как обычно, за исключением того, что я находилась не дома, а в отеле города Роли, Северной Каролины. Завтра у парней игра, только на этот раз на чужой территории.

Мы с Итаном и его помощником Джаспером следовали за «Дьяволами». Номера моих коллег были на другом этаже, все оплачивал телеканал, а мне позволили остаться в номере с Майком. На одном этаже с командой.

– Ты слишком взбудоражена, что-то произошло? – спросила я Кирби, присаживаясь на кровать.

Подруга кивнула.

– Просто не поверишь, сегодня главный редактор, Рейчел, брала интервью у самой Ники Минаж¹²! Мне посчастливилось побывать при этом событии. Ты же знаешь, я вообще по статьям, но Рейчел говорит, что у каждого в издательстве должен быть развит навык интервьюирования. Сначала я ду-

¹² Ники Минаж – тринидадская певица, рэперша, автор песен и актриса.

мала, что она просто красуется, ну, серьезно, что сложного в интервью? Но потом я посмотрела, как это делает Рейчел, и была в шоке.

Кирби с горящими глазами ждала, когда же я спрошу ее об остальном. Я решила избавить ее от томительного ожидания.

– И что же она делает?

– Я так и знала, что ты спросишь! – воскликнула подруга. Я усмехнулась и с серьезным видом кивнула. – Она задает те вопросы, которые перед этим обговаривалось не задавать, но делает это так филигранно и тонко, Ники все время была в хорошем настроении и отвечала.

– Правда? И какие же вопросы нельзя было задавать? – спросила я, уже чуть больше заинтересовавшись этим разговором.

Кирби в задумчивости прикусила губу и зависла с зажатой в руке вилкой.

– Об отношениях и ребенке, стандартно, – пожала плечами она и принялась с аппетитом уплетать овощи.

– И Рейчел удалось разговорить ее?

– Полностью.

Нас обучали искусству интервьюирования в колледже, и, конечно, я умела интервьюировать, будь то спортсмен или политик. Но если у этой Рейчел есть какие-то секретные способы разговорить самого скрытного и безэмоционального интервьюируемого, то мне нужно знать все.

– И как она это делала? – с ярко сквозившим любопыт-

ством и нетерпением в голосе спросила я.

Кирби дожевала помидор, выпрямилась и сделала несколько успокаивающих вдохов. Опять ее фэншуйские штучки.

– Слушай мастера Кирби, потому что я впитала все, точно губка. Во-первых, нужно создать непринужденную атмосферу, например, расспросить о делах и настроении, и все обязательно делать с улыбкой. Во-вторых, начни первой и ненавязчиво поделись своим опытом. Когда человек будет думать, что он знает что-то о тебе, ему будет проще рассказать о себе. У него должно быть понимание того, что ты друг и тебе можно доверять. И самое главное: никогда не задавай прямых и категоричных вопросов и не давай негативную оценку ни одному из ответов. Оденься соответствующе, если это женщина, то стильно и скромно, если мужчина, то стильно и развязно.

Я громко фыркнула.

– По-твоему, если я хочу интервьюировать мужчину, то мне нужно прийти в латексном костюме, из которого будет выпадать моя грудь?

Кирби улыбнулась и кивнула:

– Это слишком развязно, но направление мысли ты поняла.

Она не распознала моего настроения и возмущения, тогда я решила говорить прямо:

– Пока все девушки – журналисты мира борются за то,

чтобы их воспринимали всерьез, ты предлагаешь мне показаться разодетой как шлюха перед хоккеистом?

Который и так однажды назвал меня шлюхой.

– Я знала! Ты же собралась брать интервью у Зверя?

– Нет, интервью с ним мне не грозит, он постоянно отказывается.

– Ну, если ты прикупишь блузу пооткровеннее, то, может, он и согласится, – в качестве варианта предложила она.

Нет. Не согласится. Похоже, Зверь играл за другую команду, а возможно, у него есть девушка, которой он верен.

– Бесполезно, ты сама помнишь, его не интересует это. Он смотрит либо мимо меня, либо в глаза.

– В глаза? Это же еще интимнее, чем если бы он смотрел на твою грудь или задницу. Каким взглядом он смотрит?

– Трудно расшифровать, но что-то между «кажется, я вижу волос в моем супе» и «эта девушка проткнула колеса моей машины».

Обычно его лицо выглядело отстраненным и не передавало никаких эмоций. Но иногда, останавливая взгляд на мне, Зверь словно чувствовал раздражение и легкое отвращение.

Кирби удивленно присвистнула.

– Сильно, неужели все дело в том случае?

– Нет, он не помнит, просто сам по себе мудака, – отмахнулась я.

– Зачем тебе вообще интервью с ним? Что оно даст?

Статья о Звере сильно помогла бы мне.

– Как минимум снова почувствую себя журналисткой, – нерешительно призналась я.

Мой интерес был не только профессиональным, но и личным. Макс состоял из загадок и тайн, я ничего не знала о нем, и это побуждало меня к действию.

– Ты все равно журналистка, моя милая, – с успокаивающей улыбкой сказала Кирби.

Легко ей говорить, это же не она сделала несколько шагов назад в своей карьере.

– Хочешь услышать еще кое-что? – решила сменить тему я.

– Мм?

– Ты знаешь, я сейчас в номере отеля, а завтра у «Дьяволов» игра, отгадай, где будет проходить интервью?

Глаза Кирби заблестели, она догадалась.

– Раздевалка.

Сколько же слухов ходило вокруг раздевалок спортсменов. Когда я была корреспондентом в прошлом и работала на большой спортивный канал, раздевалка не была для меня проблемой. Вместе со мной за хоккей отвечал Стэн Уолли – журналист и мой коллега. Уолли всегда брал на себя раздевалку, а я работала в других плоскостях. Теперь же меня ждала уйма парней с голыми торсами и задницами. У «Дьяволов» прошло несколько игр, и пока мне удавалось избегать интервью в раздевалке, но в этот раз мне не отвертеться.

– Именно так. Это будет неловко.

Кирби усмехнулась.

– Это часть работы. Думаешь, мне не приходится видеть голых парней? Я же работаю в женском журнале, иногда присутствую на фотосессиях, повидала всякого.

– Как побороть волнение и растерянность? И как не ронять взгляды на все эти мужские места? – спросила я подругу.

Кирби задумалась.

– Я представляю что-то отвратительное, желание опускать глаза пропадает. А контакт взглядов уже не кажется таким неловким.

– Например? – не поняла я.

– Все просто, представь, что ты в кондитерской, и голые члены – это эклеры, ты же ненавидишь эклеры.

– Только с масляным кремом, – напомнила я.

Ведь в одиннадцать лет после очередной строгой диеты, на которую меня посадила мама, я спустила все карманные деньги на эклеры с масляным кремом и объелась ими в своей комнате. Теперь даже от мысли об эклерах с масляным кремом меня тошнит, к другим эклерам претензий не имею.

Кирби хохотнула. Хоть она и пыталась мне помочь, ее смешил этот разговор.

– Хорошо, эклеры с масляным кремом. Представь, что в раздевалке просто куча эклеров с масляным кремом на любой размер и... вкус, и не смотри на них, потому что иначе тебя стошнит.

– Идея – хуже не придумаешь, – фыркнула я.

– Ну уж извини, подруга. Если есть идеи лучше, то валяй.

– На самом деле нет...

– Это просто мужские члены, они некрасивые, волосатые и гадкие, не стоящие внимания, и это не то, из-за чего стоит смущаться.

Завтра я попробую держать эту мысль в голове.

Майк с парнями из команды ушел в бар. Кажется, никто не переживал из-за первой выездной игры в сезоне: в любом виде спорта есть поверье, что игра на своей территории всегда проще, чем на чужой.

Я пыталась уснуть в нашем с Майком номере, но упасть в объятия Морфея мне так и не удалось. Кинув быстрый взгляд на часы, я досадливо застонала: два часа ночи. И хотя завтра мне не нужно было рано вставать, я все равно была недовольна. Не люблю нарушать режим сна.

За стеной кто-то громко застонал, затем еще раз и еще. Я села в кровати и прислушалась. Рядом был триста шестьдесят шестой номер и такой же номер вроде бы дали Пауэллу.

Снова жалобный стон.

Он же не убивает там женщину, верно? Иначе наши шутки про мистера Призрачное лицо уже не будут шутками.

– О да, боже, да! – выкрикнула девушка.

Не похоже на убийство.

Спинка кровати стала ритмично стучать о стену, разделяющую мой и его номер, и этот стук тупой болью отзывался в моей голове. Мало того что в дороге меня настигла мигрень, которая не прошла до сих пор, так еще и стук этот слушать ближайший час.

– Да, глубже, детка, о да! – продолжала изображать из себя порноактрису спутница Зверя.

Они там траншею роют? Шахту?

Почему-то сейчас меня сильно разозлило это. Неужели Пауэлл не в состоянии потерпеть сутки? Ведь завтра после игры все отправятся домой. И где он взял девушку? Снял в баре или это его пассия приехала? А может, заказал девицу из эскорт-услуг?

Плевать!

Я откинулась на подушки и зажала уши руками.

Ну что за мудаки? Мало того что с людьми не умеет общаться, так еще и сексом занимается. Отвратительный человек!

Живот протяжно заурчал, и теперь я поняла, что точно не усну, пока не съем чего-нибудь.

Выпорхнув из постели, я скользнула в тапочки и подошла к зеркалу. Мои красновато-рыжие волосы лежали на плечах и спине небрежными завитками. Кожа была бледной и усыпана веснушками. Из одежды на мне было только худи Майка. Большое черное с эмблемой «Атлантов» – его прошлого

клуба спереди, фамилией Даррелл и номером тридцать два на спине. Оно доходило мне до середины бедра.

Поразмыслив, я так и не нашла причин переодеться и наносить тональный крем на лицо, чтобы сделать два шага до автоматов с шоколадками и снеками на этаже.

Громкий протяжный рык и женский судорожный стон дали мне понять, что концерт за стенкой был окончен.

Надо же, я погорячилась, когда дала ему час, настоящий бомбардир, управился за две минуты. А ведь Зверь три раза становился самым быстрым игроком Матча всех звезд НХЛ¹³, как символично.

Тихо посмеиваясь, я пригладила непослушные объемные волосы, вышла в коридор и зашагала к автомату с едой.

На самом деле я чувствовала себя незащищенной в данный момент. Под худи не было ничего кроме белья, а само оно было сшито из тонкого трикотажа, ноги были голыми, про веснушки даже упоминать не стану. Но я отгоняла от себя дурные мысли. Сейчас поздняя ночь, не будет же, в конце концов, кто-то ходить по коридору в два часа ночи?

Отведя взгляд от мысков тапочек и взглянув на то место, где стояли автоматы с едой, я замерла, маленькая улыбка испарилась с губ, к лицу подступил жар.

Черт. Не рассчитывала, что он покинет комнату. Видимо, после секса разыгрался аппетит.

¹³ Матч всех звезд НХЛ – ежегодная товарищеская игра сильнейших действующих хоккеистов НХЛ.

Зверь, голый по пояс, в одних спортивных трикотажных штанах, низко сидящих на его бедрах, стоял у крайнего из двух автоматов и смотрел на меня задумчивым взглядом. Кожа его мускулистой груди и точеного пресса была влажной и блестела в свете потолочных софитов. Над резинкой штанов выделялись две косые полоски поперечных мышц живота, выступали вены.

Иисус, Мария и Иосиф.

Темные волосы были влажными и зачесаны назад, однако пара непослушных прядей спадала на его лоб. Пауэлл был огромным, высоким и широким. Представить не могу, каково это – оказаться в его медвежьих объятиях.

Он не успел бы принять душ за такое короткое время, значит, блеск его кожи и влага на волосах – это пот. Две минуты поработал, но, видимо, очень старался, раз так вспотел.

Угомонив странный трепет внутри, я сжала губы и с уверенным видом подошла к автомату.

Макс медленно, словно нехотя, прошелся взглядом по мне. Заметив фамилию на моей спине, он как-то странно выдохнул и отвернулся, принимаясь разглядывать содержимое автомата, у которого стоял.

Меня напрягала эта тишина между нами, я никак не могла выбрать себе ночной перекус, и от его взглядов в мою сторону становилось не по себе.

Ну, Кирби, надеюсь, твои советы сработают.

– Как дела? – спросила я, поворачивая голову в его сто-

рону.

Зверь недоуменно вскинул брови. Мне показалось, что он меня не расслышал, поэтому я решила попытаться еще раз.

– Как настроение?

Опираясь одной рукой об автомат с едой, а второй зависнув над цифровым табло, он взглянул на меня как на идиотку.

Ладно, следующий шаг.

Я качнула головой, широко улыбнулась и зависла так на несколько секунд.

В ледяных глазах Зверя промелькнуло ошеломление.

– Ты под кайфом? – спросил он, наклоня голову и заглядывая в мои глаза, видимо, проверяя, все ли в порядке с моими зрачками.

– Что? Нет! Я всегда выступала против алкоголя!

– Но не против наркотиков?

Откуда-то из самого центра груди поднималось негодование.

– Ты невыносим!

Он отвернулся.

– Тогда почему ты пытаешься разговаривать со мной?

– Потому что нам нужно установить контакт, черт возьми! – вспыхнула я. – Если тебе интересно, я всегда была против наркотиков и алкоголя...

– Неинтересно, – оборвал он.

– У близкого мне человека была алкогольная зависимость,

так что...

Не стоит перебивать меня, Пауэлл, я всегда договариваю.

Взгляд его изменился. Пропала враждебность. Однако он ничего не ответил.

Советы Кирби работали, по крайней мере, тот, где нужно поделиться фактом о себе, чтобы выудить факт о нем. Однако Макс крепкий орешек, и так просто он о себе не расскажет. Не сегодня, так завтра, а пока стоит сразу обозначить правила.

– Знаешь, в следующий раз найми профессиональную актрису. Твоя явно переигрывает, – сказала я, все еще чувствуя недовольство из-за того, что случилось в соседнем номере.

– Ты о чем?

– Я о твоём рандеву, Зверь. Ты находишься за стенкой, будь добр уважать соседей. Следует потерпеть всего одну ночь, надеюсь, ты продержишься. – Не в силах справиться с внутренним негодованием, я ехидно добавила: – Хотя, судя по длительности первого периода...

Продолжать я не стала, он и так понял.

Да, я намекнула на то, что он крайне невынослив в постели, вот такой стервой я становилась из-за испорченного настроения.

Макс моргнул, запустил руку в волосы и зачесал их назад.

– Почему ты не со всеми? – подуспокоившись, спросила я.

Он молчал, и я уже подумала, что ответа не последует.

– Веселиться и заливать в себя пиво накануне важного

матча – это не про меня, – ответил он. Я удивленно покосилась на Пауэлла и заметила, что из соседнего автомата он достал два протеиновых батончика. Мое пассивное несогласие проявилось в виде закатывания глаз.

Зверь не допускает, чтобы хоть одна жиринка попадала в его организм. Слишком легко это понять, достаточно взглянуть на безупречные мышцы – причину мокрых трусиков девушек со всего мира.

Я нажала кнопку, два шоколадных батончика упали в отсек в самом низу. Вынув их, я подошла к Пауэлли. Мои легкие наполнил свежий и чистый запах его кожи. Что-то вроде мужского мыла или геля для душа. Странно, разве он не должен пахнуть потом, ведь его кожа все еще была влажной?

Одну шоколадку я закинула в карман, а другую протянула Зверю.

Краем глаза я заметила, что мышцы на его прессе напряглись.

Господи боже, это зрелище вызвало щекотку внизу моего живота. Но я не могла насладиться этим, потому что стала себя проклипать за подобные ощущения. У меня же есть парень! Я стою в худи с фамилией Даррелл. Я не могу чувствовать сексуальные приливы, глядя на полуголого Зверя.

– Что это? – спросил он, тупо уставившись на шоколадку.

– Оливковая ветвь, ясно? – резко выдала я, злясь из-за того, что один взгляд на его голый рельефный торс и запах его кожи пробуждали во мне запретное желание. – Не знаю,

почему ты невзлюбил меня, но я не такой человек, который со всеми конфликтует. Возьми шоколадку в качестве нашего примирения, в детстве срабатывало. К тому же тебе нужно попробовать немного сладкого, может, тогда ты перестанешь так злобно на всех смотреть. Сахар поднимает эндорфины. – В последний раз окинув Пауэлла беглым взглядом, я направилась к себе в номер.

Дверь номера Зверя открылась, и оттуда выпорхнула сногшибательная длинноволосая блондинка с широкой улыбкой на пухлых губах. Босоножки на высоких каблуках черными жгутами оплетали ее ноги, платье цвета морской волны облепило фигуру, словно вторая кожа, а горящие голубые глаза говорили о том, что этой девушке было достаточно для счастья тех двух минут, которые продержался Зверь.

Что-то гадкое зашевелилось в моей груди. Вот какие девушки в его вкусе. Ожидала от Пауэлла большего.

Блондинка проскользнула мимо меня, оставляя за собой шлейф цветочного парфюма и химического запаха лака для волос. Следом за ней из номера Макса выглянул Соьер Басс – хоккеист, играющий на позиции защитника в «Дьяволах». Из одежды на нем были только черные боксеры. Короткие светлые волосы торчали в разные стороны. Басс был высоким и атлетически развитым, однако в мышечной массе уступал даже моему Майку, а до Зверя ему было совсем далеко.

Опершись о косяк двери, он с похабной улыбкой смотрел

вслед исчезающей блондинке. Стоило ему заметить меня, улыбка на его лице стала еще шире и развязнее. От скользкого взгляда карих глаз меня захватило отвращение.

– Перри Милашка Митчелл, – пропел он. – Зайдешь?

Я вспыхнула от возмущения.

– Ты нормальный? Я девушка твоего товарища по команде!

Мерзкий хохот расползся по коридору.

– Расслабься, шуток не понимаешь, что ли?

– Шутка – это когда смешно, – фыркнула я.

Значит, они веселились втроем?

Басс ухмыльнулся, и по его глазам я поняла, что он не шутил, а действительно предлагал мне зайти и стать третьей в их с Пауэллом игре. Как же это мерзко!

– Пауэлл, как жизнь? – засмеялся придурок, и тут догадка пронзила мои виски пульсирующей болью.

Он только что поздоровался со Зверем, словно они... не были в одном номере.

Я растерянно взглянула на Сойера и тихо, чтобы не услышал Пауэлл, спросила:

– Триста шестьдесят шестой разве не Зверя номер?

Басс отрицательно покачал головой.

– Это мой номер, и он всегда открыт для тебя, Милашка Митчелл, – подмигнул идиот и, громко заржав, скрылся за дверь *своего* номера.

Получается, все, что я наговорила Максусу...

– Мой номер триста шестьдесят девятый, – раздался голос за моей спиной. Слишком близко, буквально в двух шагах от меня. И снова свежий запах его кожи, потому что Макс просто был после душа.

Черт!

Выставила себя душой.

– И я ответственно отношусь к каждой игре, я профессионал, могу играть долго и довожу до конца... каждый период.

Я замерла после его слов.

Он доводит до конца каждый период. Ну, да. Ясно. Он ведь о хоккее, не так ли?

Не оборачиваясь, я кивнула, так и не найдя для него слов, и чуть ли не побежала к своей двери.

Ну, какой же стыд!

Я коснулась ключом-картой замка и схватилась за ручку.

– Эй, Утконос! – Я обернулась. Макс стоял через три двери от меня, вальяжно опершись голым мускулистым плечом о стену. Уголок его губ дернулся, словно он не мог сдержать улыбки. А взгляд голубых глаз замер на моем лице. – Спокойной ночи.

Толкнув дверь, я влетела в номер как ошпаренная.

Утконос.

Почему он продолжает меня так называть?

Для человека, который пугает детей одним выражением лица, Макс на удивление был... мил. И...

О, черт!

Пожалуйста, Перри, даже не думай о его периодах, каждый из которых он доводит до конца.

Глава 8

Перри

Первая выездная игра в этом сезоне прошла отлично, парни переиграли противников на две шайбы. Это был неплохой результат, учитывая, что вчера большая часть команды провела ночь в одном из баров Роли.

Пытаясь погасить тревогу в груди, я стояла у двери мужской раздевалки, где переодевались парни. Рядом со мной были девять мужчин-корреспондентов и одна женщина. На вид ей было около сорока лет. Это немного успокоило меня, ведь я не буду единственным корреспондентом женского пола в мужской раздевалке.

Дверь открылась, и появился представитель клуба – специалист по связям с общественностью.

– У вас тридцать минут, не надоедайте тем, кто не желает с вами разговаривать, – грубо сказал он.

Журналисты ринулись в раздевалку. Нерешительно передвигая ногами, я вошла последней.

Эклеры. Эклеры. Эклеры.

Не смотри на эклеры с масляным кремом. Ты их ненавидишь.

О нет. Я заметила первую голую задницу у крайнего левого шкафчика. Это был Виктор Назаров – молодой хоккеист из России. Он обернулся, и тогда мой взгляд невольно упал

ниже, на его...

Не. Смотри. На. Эклеры.

Покачав головой, я оторвалась от разглядывания его члена и решила подойти к тому, кто хотя бы был в полотенце.

Сойер Басс находился недалеко от Виктора, он уже натянул боксеры, когда я поравнялась с ним, однако брать у него интервью мне совсем не хотелось. Вчера я поняла, что с ним мы точно не сработаемся, да и для хорошего материала мало ответов защитника, мне нужен был форвард.

Я прошла дальше, но через мгновение остолбенела, натываясь взглядом на идеальный треугольник поперечных мышц живота. С его точеного пресса стекали капельки воды, маленькие темные волоски, идущие от пупка, были все еще влажными и прилипшими к коже. А ниже...

О господи боже мой, Иисус, Мария и Иосиф. Этой штуковиной, болтающейся у него между ног, можно с легкостью прибить кого-нибудь.

Капитан – сразу видно.

– Ненавижу эклеры, – задумчиво выдала я.

В целом я могла бы их полюбить, даже с масляным кремом.

Подняв взгляд, я заметила, что меня поймали.

Сердце пропустило удар и подпрыгнуло к подбородку.

Зверь понял, что уже несколько секунд я смотрю на его член, и вопросительно вскинул бровь. Мои щеки моментально вспыхнули, глаза растерянно забегали по раздевалке, и

мне уже хотелось бежать, как вдруг я вспомнила, зачем вообще пришла.

Интервью. Да.

– З-зверь, я хочу задать пару вопросов.

– Ты что-то говорила об эклерах, – серьезно ответил он, однако я смогла уловить в его голосе нотку озорства. Мои щеки горели и наверняка стали алыми, словно спелая вишня. Мой взгляд так и норовил убежать вниз, поэтому я, не прерывая зрительного контакта, широко раскрыв глаза, смотрела на лицо обнаженного мужчины передо мной. Выглядело это странно, словно я была пьяна или под кайфом.

Черт!

Зверь вдруг отвернулся и, вальяжно взяв черные боксеры, натянул их на потрясающие крепкие ягодицы, к которым мне вдруг захотелось протянуть руки. Ничего такого, просто удостовериться, что они настоящие.

Как низко я пала, разглядываю гладкие, светлые и такие упругие ягодицы Пауэлла. Томительное желание, пробежав по всему моему телу, опустилось в самый низ, сводя меня с ума.

Он обернулся и, сложив руки на груди, выжидающе взглянул на меня.

– Так что там насчет эклеров? – спросил мерзавец, и в его глазах я смогла заметить насмешку.

Я быстро заморгала.

– Однажды я объелась эклеров, все мое лицо было пере-

пачкано белым масляным кремом... – затараторила я, с ужасом осознавая, какую чушь только что ляпнула.

Уголки губ Макса поползли вверх, но он вдруг сжал губы и отвел взгляд, словно боролся с навязчивой улыбкой.

Его веселила эта ситуация. Однако не могу не отметить, что он потрудился натянуть боксеры, чтобы скрыть наготу, хотя мог, как типичный придурок-хоккеист, провоцировать меня и выводить на эмоции. Это как нельзя лучше характеризовало Пауэлла и так разнилось с тем портретом, что я составила о нем ранее.

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение, которое послал мне сам дьявол, и, гордо вскинув подбородок, сказала:

– Пара вопросов.

Макс тяжело выдохнул. Его хорошее настроение пропало.

– Я не отвечаю на вопросы сегодня.

Ты не отвечал и вчера, болван!

– Я быстро.

– Нет.

Наша битва взглядов продолжалась несколько секунд. Он был упертым. Большой несгибаемый Зверь, но и я не готова была отступить.

– Не будь засранцем.

– Как ты меня назвала? – сердито спросил он.

Мышцы на его груди и руках напряглись. Моя настойчивость могла принести большие проблемы. Макс имел право сообщить дирекции об одной неугомонной журналистке, ко-

торая не понимает слова «нет». Большие боссы хоккейного клуба не любили, когда представители прессы досаждали их золотым игрокам. Поэтому я ходила по очень острому лезвию.

– Макс... – тихо позвала я, на что он, склонив голову, приготовился внимательно слушать.

Слушать меня.

Боже мой, что может быть сексуальнее?

Я шагнула ближе, оказываясь окутанной сладким ароматом его геля для душа и запахом чистой горячей кожи.

– Пожалуйста, Макс. Только я, посмотри, все остальные заняты другими игроками...

Он раздумывал несколько секунд, затем устало выдохнул и с хмурым выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего, коротко кивнул.

Когда в следующий раз мы окажемся наедине, он вдавит меня в стенку и скажет, что так и было. Я раздражала его, это видно сразу, но отчего-то он решил пойти на уступки.

– Быстро.

Я вытащила телефон и включила диктофон. Заметив, что я собираюсь интервьюировать Зверя, другие журналисты стали подтягиваться и обступать нас. Макс был внешне суров, но спокоен, словно знал, что так получится, но все равно согласился.

– Вопрос первый, – нерешительно начала я.

Договорить мне не дали. Высокий и полный мужчина

вклинился и перебил меня. Тем временем к нам подошло еще два журналиста. Маленькие компактные микрофоны и телефон протянулись в сторону Зверя, готовые записывать каждый его ответ.

– Макс, как ты считаешь, победа в первых трех...

– Ты перебил ее, – грубо бросил Зверь, острым взглядом пронизывая наглого журналиста.

От такой явной и неожиданной поддержки я растерялась.

Мужчина, которого оборвал Пауэлл, был недоволен и с презрительным выражением лица смотрел на меня, ожидая действий.

– Макс, вы превосходно начали игру, полагаю в этом был какой-то особый план, разгромить соперников и показать остальным командам в Лиге, что в этом году вы намерены победить? – протараторила я, сомневаясь, что он разберет все слова.

Подняв глаза, заметила, что Пауэлл, сдвинув брови к переносице и склонив голову, слушал меня. Его ледяные глаза были полностью сосредоточены на моем лице, будто в этой большой и шумной раздевалке мы были только вдвоем. Это смущало меня и породило странное, но приятное покалывание в животе.

– Каждый внес свой вклад, мы лишь вышли отдохнувшие, готовые к настоящей честной игре. И показали хороший результат, – как на автомате выдал он.

– Что вы думаете насчет тактики... – заговорил мужчина

слева от меня, протягивая телефон с работающим диктофоном Зверю, но я, вспыхнув от беспардонной попытки перебить меня, не дала ему сказать.

– Вы забили две шайбы, один удар получился феноменальным, шайба вышла из-под ноги, но достигла своей цели, был ли это особый замысел или простая случайность? – спросила я, не обращая внимания на протестующие взгляды со всех сторон.

– Случайность, я увидел возможность и ударил.

– Чем в этом сезоне может удивить нас команда?

– Скорость и точность.

Я кивнула.

– Тактика укрытия шайбы от соперников, я имею в виду то, как вы держите шайбу перед собой и показываете вашим противникам спину, насколько оправдана она, если игрок в основном действует вслепую?

Мужчина рядом со мной удивленно вскинул брови.

Как я и говорила, многие из них считают меня симпатичной говорящей головой, но я гораздо больше, чем моя внешность.

– Я не могу сказать, что игрок действует вслепую, мы видим, что нужно, кроме того, многие моменты происходят автоматически, к тому же помогают другие чувства.

Я решила немного повисить градус нашего диалога. К тому же мне нужна была хорошая статья, а стандартные вопросы не привлекут внимание читателей.

– Ваш фирменный стиль, вы вбиваете противников в стекло, нарочно убирая их из игры, скажите, это какая-то особая тактика или таким образом вы находите выход своей агрессии и куража?

Мышца на скуле Макса дернулась, он сузил глаза, наверняка представляя, как именно будет убивать меня. А я чувствовала, как во мне горит решительность. Он не мог нагрубить сейчас, не тогда, когда куча микрофонов и записывающих устройств нацелены на него. Пауэлл был мудаком, но он не глуп.

– Скажу лишь, что если перед матчем появляются агрессия и кураж, то игра может получиться как самой зрелищной, так и полным провалом.

Уходит от ответа.

– Но вы действительно пользуетесь этим? Агрессия помогает вам на льду?

Его подбородок выдвинулся вперед.

– Не могу назвать себя агрессивным человеком.

Я чуть не зашлась в диком хохоте. Но в раздевалке стояла такая тишина, что я не посмела бы нарушить это. Каждый слушал Зверя, каждый удивлялся моей смелости или глупости. Он не дает личных интервью, но из этого я выжму все.

– Ваше поведение говорит о другом. И хоккеисты, получавшие от ваших действий травмы, с вами не согласятся. Это вы называете честной игрой?

– Хоккеисты и *прочие нытики* должны понимать, что они

выходят на лед с большими и нацеленными на победу мужчинами. Не умеешь печь рогалики, не берись.

По спине пробежал холодок.

– Хочешь, я сверну тебя в сексуальный рогалик, малыш?

Он повысил голос, звучал угрожающе и устало. Я ходила по грани, играла с его терпением. Последняя его фраза была адресована только мне.

– Значит, леопард не меняет своих пятен? – спросила я, прикусывая нижнюю губу. Он ведь не изменился, Пауэлл – все тот же придурок, что посмел поцеловать меня в баре.

– Он определенно остается при своей шкуре. Советую не играть с дикими кошками, мисс Митчелл, это может здорово ранить вас.

Я нервно сглотнула, услышав откровенную угрозу, а после пришло возмущение. Он вздумал угрожать мне?

Пауэлл окинул взглядом раздевалку.

– Интервью окончено, – резко выдал он, отворачиваясь к шкафчику. – Всех посторонних прошу удалиться.

Я видела перед собой черту, красную линию, которую не следовало переступать, и торжествующе, под громкие овации в голове я ее переступила.

– Возможно, что ваша агрессия – это следствие трагического и травмирующего события в прошлом? Кто же так сильно обидел тебя, Макс?

Он замер, через секунду обернулся и пригвоздил меня взглядом к полу.

– Я сказал, пошли вон отсюда, – стальным, на удивление спокойным голосом выдал он.

Журналисты стали расходиться. И только я хотела последовать за ними, Макс подошел ближе ко мне.

– Осторожнее на поворотах, Митчелл.

– Ты угрожаешь мне? Может, еще ударишь? – смело или, скорее, безрассудно выдала я, внутри сжимаясь от тревоги.

– Я не бью девушек, но знаю много других способов заставить тебя пожалеть о сегодняшней выходке. А теперь проваливай из раздевалки.

Больше мне нечего было здесь делать.

Я понуро шла к выходу под удивленные взгляды игроков. Внутри корила себя за несдержанность, однако это в каком-то смысле наполнило меня новой жизненной силой. Я же Перри Митчелл, я всегда была яркой и взрывной. Когда все стало таким блеклым?

Я встретила Майка, окончила колледж и забыла о том, что была бунтаркой, а сегодняшнее интервью напомнило мне, каково чувствовать огонь внутри.

Так пишутся настоящие статьи и снимаются настоящие репортажи. Только отрицательные эмоции вытаскивают правду из людей, положительные склоняют ко лжи.

Однако моя маленькая радость улетучилась, когда я заметила взгляд Майка. Он был расстроен, разочарован и зол.

А с Максом... Кажется, оливковую ветвь он уже отверг, вернее, я забрала ее назад.

Дверь раздевалки закрылась за мной с громким хлопком. Я оказалась в окружении журналистов. Все эти мужчины и одна женщина вовсе не были расстроены, ведь в их руках был настоящий Святой Грааль, такого интервью с Максом еще не было. Он всегда держал эмоции под контролем.

Мы встретились взглядами с Гарри Диксоном, одним знакомым из моего прошлого. Тогда я только пришла работать в качестве корреспондента на телеканал Live Sports. Невысокий, лысеющий и полноватый мистер Диксон работал на канал наших конкурентов – SPT Daily.

– Это было непрофессионально, затыкать рты каждому, кто пытался задать вопрос, – сразу заявил он, хищно улыбаясь мне. – Но ничего другого, Митчелл, я и не ожидал от тебя. Никогда не видел у тебя журналисткой этики.

Диксону было всего сорок, но ментальность его застряла где-то в пятидесятых, он был ярким представителем тех журналистов, которые делили своих коллег по гендерному принципу.

– Так же непрофессионально, как считать, что я хуже вас, потому что я женщина, а это мужской вид спорта, мистер Диксон, – расправив плечи, ответила я. – И пытаться задать свои вопросы, когда я еще не задала свой.

Да, Диксон был одним из тех, кто вклинивался в беседу с Пауэллом и хотел перебить меня.

– Я помню, как вы вставляли мне палки в колеса еще тогда, когда я только пришла в журналистский мир. Так и работаете на SPT Daily?

– Нет, – коротко ответил он. – Один журнал о спорте предложил мне оклад побольше. Что за представление ты устроила в раздевалке, знакома со Зверем лично?

– Не больше вашего.

Он сально усмехнулся, являя неровный ряд верхних зубов.

– Сомневаюсь. В противном случае ты не стала бы пренебрегать всеми правилами и выворачивать его душу.

Я рассмеялась, но мой смех прозвучал слишком наигранно.

– Поверьте, души у него нет, выворачивать нечего.

Он смотрел в мои глаза несколько долгих мучительных секунд, и я с достоинством выстояла эту дуэль.

– Поверю, что гнусные инсинуации, развернувшиеся прямо на моих глазах несколько минут назад, – твоя попытка заполнить статью, а не свести личные счёты.

– Мне плевать, во что вы поверите. И насчет работы: я не буду мешать вам делать вашу, если вы не будете мешать мне делать мою. Надеюсь, мы друг друга поняли.

Диксон спрятал руки в карманы брюк, кивнул мне и ушел.

Я осталась у раздевалки дожидаться своего парня. Он появился только через пятнадцать минут.

– Майк, – я улыбнулась и подбежала к нему, чтобы по-

целовать. Дверь раздевалки шумно захлопнулась за его спиной. Мой парень, даже не взглянув на меня, прошел мимо.

Что за черт?

– погоди! – Я нагнала его и аккуратно взяла за руку. – Что с тобой?

– Ты еще спрашиваешь?

Его взгляд был враждебным. Мои любимые светло-карие глаза потемнели, брови сурово сошлись на его переносице, а скулы напряглись и заострились, словно высеченные из камня.

– Объясни, – попросила я, поглаживая его ладонь кончиками пальцев, как делала это всегда, когда он злился.

Майк раздраженно выдохнул и отдернул руку.

– Насмотрелась на голых мужиков, Перри? – В его голосе разливалась желчь. С каждым словом я теряла свой приобретенный боевой настрой все быстрее.

– Прекрати, Майк, – тихо попросила я, пока никто не заметил, что мы ссоримся.

– Ты прекрасно знаешь, как ведут себя парни в раздевалке, никто не будет прятать яйца и прикрываться полотенцем, только потому, что к ним зашла девушка. Некоторым лишь польстит это, – жестко выдал он.

Меня это так разозлило, что я моментально забыла, где мы находимся, и вспыхнула как спичка.

– Почему в этом ты винишь меня? Подойди к своим товарищам по команде и объясни, как нужно вести себя в об-

ществе журналиста.

– Это невыносимо! – заорал он. – Ты ведешь себя так, будто нет ничего постыдного разгуливать среди голых мужчин. Я думал, мы избежим этого, ведь любая, у кого есть хоть немного мозгов, не стала бы заходить в мужскую раздевалку.

Я отшатнулась от него.

– Хоть немного мозгов? Ты понимаешь, что только что сказал мне? – не веря, спросила я.

Майк горделиво выпятил вперед грудь.

– Да! И не отказываюсь от своих слов, потому что если бы ты действительно думала головой, то не зашла бы в раздевалку.

– Это моя работа! Все время после окончания колледжа я пытаюсь доказать, что у меня есть право быть вхожей в мужской спортивный мир, и это право у меня никто не отнимет. Так что пошел ты, Майк!

Он схватил меня за руки и притянул к себе.

– Ты не будешь со мной так разговаривать, тебе ясно? – Даррелл сжал мою руку до хруста. Мне казалось, что он сломаёт ее.

– Отпусти!

– Я не мальчик, который продает тебе лимонад и вдруг раздает советы, я твой парень, поэтому думай и обо мне тоже, а мне неприятно, когда ты, словно шлюха с карточкой журналистки, ходишь мимо моих сокомандников!

– Мне больно! – уже громче сказала я.

Я смогла оттолкнуть Майка, или он наконец отпустил меня.

Кожа от его прикосновений горела, стала красной и теплой.

Он взглянул на меня, и в его глазах я заметила раскаяние, словно он только что осознал, что натворил. Майк никогда не делал мне больно.

– Перри, – тихо позвал он.

Я была слишком зла и расстроена, даже смотреть на него не хотела.

– Не подходи ко мне! Просто... оставь меня в покое. – Сдерживая слезы, я ушла.

Глава 9

Перри

Проблемы начались через несколько дней.

Мне просто хотелось сделать хорошую статью для своего телеканала, в частности для веб-сайта, но получила я бомбу с часовым механизмом, и первые вспышки начались с утра.

Единственный и точный смысл диалога со Зверем передала я. Моя статья на нашем веб-сайте называлась: «Запугивания на льду – выгодная тактика?» К этому я вела, когда задавала вопросы.

В современном хоккее строгие правила, грязные словечки, конечно, остались, иногда можно увидеть схватку тафгаев на потеху публике, но открытое насилие больше не приветствуется. Зверь был самым результативным игроком команды, но не пренебрегал силовыми приемами. Обычная статья об агрессии и запугивании на льду, какой она должна была быть, стала моим кошмаром.

Я не собиралась полоскать в прессе имя Макса, но это сделали другие люди. Журналы, веб-сайты и телевидение пестрили громкими фактами, статьями и новостями об агрессии Пауэлла.

Дальше всех пошел Гарри Диксон, тот самый журналист, что подошел ко мне после интервью. Он написал разгромную статью о тайном романе Зверя с острой на язык акулой пера

и любимицей поклонников спорта Западного побережья – Перри Милашкой Митчелл. И напомнил о том, что Перри, то есть я, одновременно встречается с другим хоккеистом – Майком Дарреллом. Желтые газетенки подхватили сюжет.

Студия гудела. Пригнув голову, я добежала до своего укромного уголка и спряталась за ноутбуком. Пять минут спустя появился Джей.

– Ну, здравствуй, героиня новостей, – хитро улыбаясь, кивнул он.

Я втянула шею в плечи и послала ему укоризненный взгляд.

– Не нужно, пожалуйста. Каждая собака в этом городе говорит обо мне. Неужели Зверь настолько популярен, раз эта история так разлетелась?

Джей хмыкнул:

– Он любимчик Америки, но заслуга здесь не только его. Я непонимающе взглянула на коллегу.

– Ты говоришь обо мне?

Джей пожал плечами.

– Тебя знает каждый третий человек, интересующийся любым видом спорта. Твои рейтинги поднимались до небес, и всем интересно, чем сейчас занята Милашка Митчелл. А она занята тем, что устраивает публичные скандалы со Зверем.

– Не было скандала, я просто делала свою работу.

– Ты разворошила осиное гнездо. Встречай последствия.

– Да не было ничего. Это Гарри Диксон развел пожар!

Джей усмехнулся:

– Если случился пожар, значит, была искра. У хоккея в этой стране огромная фанатская база, у тебя тоже есть свои почитатели, а теперь сложи их, и ты получишь достаточное количество тех, кто будет поддерживать этот огонь, – объяснил мне Джей, будто я сама не понимала, как это работает.

Я ничего не стану с этим делать. Не буду реагировать, иначе люди решат, что мне есть до этого дело.

– Сегодня утром я наткнулся на статью об этом Пауэлле. Он очень темная лошадка, не делится подробностями жизни, скрытный. Народ любит такое.

И это я тоже понимала.

– А что сказал твой парень-хоккеист? – спросил Джей.

После матча я в компании двух коллег улетела домой. Мне удалось вернуться раньше Майка, поэтому я собрала немного вещей и расположилась в отеле. Мне нужно было подумать и решить, готова ли я простить ему этот поступок. Даррелл позвонил мне уже через несколько часов. Извинялся и просил дать ему еще шанс, а я сказала, что возьму перерыв хотя бы на выходные, ведь в понедельник, то есть уже сегодня, нам предстояло встретиться снова. Что же он думает насчет всех этих статей, я не знала, о чем и поведала Джею.

«Дьяволы» потерпели поражение. Команда играла очень неорганизованно и раскоординировано. Ребята совершали глупейшие ошибки, теряли шайбу и позволяли бесцеремонно сбивать себя с ног. За десять минут до конца игры Зверь был удален за жесткий силовой прием против соперника.

Это был провал.

После матча я ждала своего парня на парковке «Скалы». Майка долго не было, а вот Макс появился быстро. Пауэлл смотрел на меня ровно секунду, а затем отвернулся и подошел к машине. Я чувствовала себя виноватой за всю ту волну, которая поднялась в прессе. Нам нужно было поговорить с ним.

Как только Макс закинул спортивную сумку на заднее сиденье машины, я постучала по его широкой спине.

– Зверь, – уверенно позвала я.

Он замер и, кажется, раздраженно выдохнул. Однако громко пересилил себя, захлопнул дверь и обернулся, одаривая меня усталым взглядом.

– Нам нужно поговорить, – сказала я.

Пауэлл несколько секунд смотрел в мои глаза, затем кивнул и оперся спиной о заднюю дверь машины. Вид у него был совсем не дружелюбный.

– Послушай, я понимаю, что совершила глупость. Мне не стоило задавать подобные вопросы. Я понятия не имела, чем это обернется, – по-настоящему раскаивающимся голосом сказала я.

– Это все? Потому что мне нужно идти.

Я была ошеломлена.

– Ты не злишься на меня?

– Мне плевать.

– Быть такого не может. Подобные статьи разозлят кого угодно. Ты ведь поэтому не даешь интервью?

– Не даю, потому что не вижу смысла тратить время на кого-то вроде тебя, чтобы впоследствии получить очередную глупую статейку, – небрежно бросил он.

– Вроде меня?

Он кивнул.

– Прилипал и выскочек.

Я задохнулась от возмущения.

– Вот какого ты обо мне мнения?

Макс посмотрел куда-то поверх моей головы, словно не видел смысла тратить время даже на то, чтобы смотреть на «кого-то вроде меня». Его челюсть напряглась, а на лице проявились желваки.

– Ты, девочка с телеэкрана, решила, что мне есть до тебя дело, но вынужден разочаровать, я не думаю о тебе и минуты в день. Так, несколько секунд, только когда ты маячишь перед глазами и раздражаешь всех вокруг своим присутствием. А сейчас у меня есть дела поважнее болтливой журналистки. Ты мешаешь мне.

Я сузила глаза и почувствовала, как от злости нагреваются щеки.

Не хочет говорить об этом? Пожалуйста! Но в моей голове был еще один пробел, который хотелось бы заполнить.

Подойдя к его машине, я по-хозяйски оперлась о нее плечом. Макс повернулся ко мне и встал в точно такую же позу.

– Ты знаешь, кто я, не так ли?

Он удивленно вскинул брови.

– Не думал, что в тебе столько тщеславия. Чтобы уважить твою капризную натуру, признаюсь. Я знаю, кто ты.

Я кивнула, готовясь услышать историю той ночи с его стороны, ну и, возможно, извинения за бесцеремонный, непростительный и... страстный... сладкий поцелуй.

Заткнись, Перри!

– Ты Перри Митчелл – бывшая ведущая спортивных новостей.

Черт. Да этот мужчина просто каменная глыба! Как же рогалик и вечер в баре «У Микки»?

– И все?

Короткий кивок.

Потерев двумя пальцами подбородок, я хмыкнула.

– Смотрел мои выпуски?

– Разве можно было как-то избежать этого? – фыркнул он. – Парни не пропускали ни одной твоей программы.

– Почему? – удивилась я.

Он пожал широкими плечами, руки спрятал в карманы.

– Они считают тебя сексуальной, – слишком откровенно признался Зверь.

Отчего-то сердце в моей груди ускорилося. Облизнув пересохшие губы, я взглянула в его глаза. Слова выскочили из моего рта раньше, чем я успела подумать.

– А ты?

Он наклонил голову, словно не расслышал меня, затем подошел ближе, опираясь руками на машину по обе стороны от моей головы, нависая надо мной, словно айсберг, и почти касаясь своей грудью моего тела.

– Что я? – спросил Пауэлл низким и глубоким голосом, ни на секунду не отрывая взгляда от моих глаз.

Мой нос едва доставал до уровня его ключиц, настолько высоким он был.

– Считаешь так же? – шепотом спросила я, запрокидывая голову и облизывая пересохшие губы.

Он гипнотизировал, подчинял мою волю себе, иначе почему я не могла сдвинуться с места?

– Не думал об этом. Но вот Даррелл аж светится, когда ты рядом, – прогремел голос Зверя. – Не считаешь, что стоит задавать такие вопросы только своему парню?

Он окунул меня головой в мою же распушенность. В голове замелькали картинки того дня в баре «У Микки».

Пока я стояла, нервно сжимая пальцами края рубашки и раздумывая о том, почему от его ответа мои легкие сковало спазмом, Зверь сел в машину и нажал на гудок, чтобы я отошла в сторону, как только я это сделала, он сорвался с места и уехал. Слишком резво и нервно для человека, которому

нет дела до «девочки с телеэкрана».

Глава 10

Перри

– Поэтому я решил, что мы можем двигаться дальше, – просиял Майк.

Почувствовав, как от напряжения заныли мышцы щек, я спрятала улыбку.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно спросила я.

После выхода глупых статей прошло больше двух недель. Конечно же, я помирилась с Майком. Те выходные, что мы провели вдали друг от друга, предоставили мне много времени, чтобы все обдумать. Я прокручивала в голове ситуацию и поняла, что сильно драматизировала в тот день. Мы оба были уставшие, на взводе, случилось то, что случилось. Его поведение неприемлемо, но то, что он сделал, все равно не причинило мне много физической боли. Я не стану заканчивать долгие отношения, наполненные огромным количеством приятных моментов, из-за маленького недоразумения.

Майк был очень удивлен статьей обо мне и Пауэлле. Однако дал мне все объяснить. И хотя мы оба понимали, что появление подобных слухов главным образом спровоцировала я, мой любимый не сердился. Именно тогда он заговорил о том, что если бы мы были настоящей парой, то есть обручились, то никто и не стал бы говорить всю эту ерун-

ду. А сегодня Майк пригласил меня в один из самых крутых ресторанов Нью-Хейвена, и это вызвало у меня подозрение. Не то чтобы подобное было редкостью, однако обычно Майк предпочитал проводить наши свидания дома.

– Перри, я тебя люблю. – Он отодвинул стул и опустился передо мной на одно колено, повергая меня в шок. Взгляды всех присутствующих моментально обратились на нас. По залу пронеслись воодушевленные вздохи девушек, перешептывания и даже звуки подбадривания. – Я не представляю своей жизни без тебя. Ты все, что когда-либо было нужно мне, и все, что будет нужно до конца жизни. Выходи за меня.

Вздохи и шепотки стали громче. Мои ладони вспотели от волнения. Я была рада, что мне наконец сделали предложение, ведь замужество было моей давней мечтой, тем, к чему я так долго стремилась. Но почему-то сейчас все это казалось мне таким скорым и нереальным. Но это же означало, что мы с Майком станем чем-то большим, это сплотит нас, брак стал бы нашим новым стартом. Поэтому я заставила себя широко улыбнуться ему.

В руках Даррелла была маленькая розовая коробочка, оттуда прямо на меня смотрело кольцо с внушительным бриллиантом. Камень был не круглым, а квадратным, я не любила такие.

О боже! О чем я говорю? Я хотела этого с нашего первого свидания, он мог мне хоть брелок для ключей подарить и попросить стать его женой, я все равно ответила бы «да».

Поэтому, не обращая внимания на болезненную пульсацию в груди и странное предчувствие, я закивала.

– Согласна. Я давно согласна, Майк.

На его лице отразилось облегчение. Я обхватила руками щеки любимого и прильнула к улыбающимся губам в поцелуе.

Послышались оглушающие аплодисменты, словно мы отыграли невероятный концерт, и благодарная публика решила нас вознаградить. Я все еще сжимала лицо моего Майка и наслаждалась сладостью его губ, но услышала, что хлопki стихли, остался только один звук. Одиночный хлопок.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Я обернулась и наткнулась взглядом на девушку, остановившуюся рядом с нами.

Вау.

Она была невероятна. Высокая, ростом около ста восьмидесяти сантиметров, стройная и изящная как лань, одетая в темно-синее платье приталенного силуэта из дорогого шелка. Лицо в форме сердечка, раскосые темно-синие, отдающие в фиолетовый глаза. Аккуратный нос с небольшой горбинкой и сочные губы. Она будто сошла с обложки журнала о женской красоте.

– Поздравляю вас, – мелодичным голоском пропела она.

– Адель? – удивился мой парень. Уже жених.

Девушка проплыла мимо меня и обняла Майка, легко похлопывая его по спине. Он скромно улыбнулся ей и, бросая

на меня неловкие взгляды, отстранился от нее.

Ее черные волнистые волосы блестели и переливались синевой. Со скромным рыжим пучком на голове я почувствовала себя совсем непривлекательной.

Адель усмехнулась, прикусила губу и окинула меня оценивающим взглядом. Она сразу сделала вывод, что я ей не конкурентка, однако и отвращения в ее глазах заметно не было. Просто она знала, что красива, и ничуть не сомневалась в этом.

– Мы давно с тобой не виделись, ты стал таким... крупным, – хмуря идеальные брови, сказала она.

– Вроде того, – задумчиво протянул Майк. Затем, спохватившись, притянул меня к себе. – Это Адель – моя давняя знакомая. Однажды она помогла мне выбрать спортивного агента. С Энсли я работаю до сих пор.

– Вот как? – скептически выгибая бровь, спросила я. Адель смотрела на Майка не как на обычного знакомого из прошлого. Между ними определенно что-то было. Что именно, мне еще предстоит выяснить. Удивительно, Адель на вид около тридцати, тогда как моему Майку только двадцать пять.

– Да, именно так и было, – уверенно заявила Адель, потому что Майк молчал. – Я давно занимаюсь сопровождением спортсменов. А на него тогда посыпались предложения от многих агентов. Помогла выбрать.

Адель поправила волнистые волосы и улыбнулась уголком

губ.

– Шоу было великолепным, кстати, поздравляю. Не думала, что Майк однажды женится, в прошлом он интересовался преимущественно хоккеем, а вместо постоянной девушки предпочитал заводить короткие интрижки с фанатками.

– Сейчас все поменялось, тогда я еще не встретил Перри, – перебил он ее.

Майк нервничал. Кем бы ни была эта Адель, у них с моим парнем явно было общее прошлое.

– Ну, конечно, – ухмыльнулась она.

А вот теперь Майк злился. Он сжал зубы и выдал грубым голосом:

– Зачем ты пожаловала в город? Насколько я помню, ты любишь ловить рыбку в мегаполисах.

– У меня деловая встреча, – пожалала хрупкими плечами она. – Еще немного, и на крючке у меня будет сам Леброн Джеймс¹⁴, мальчишка делает потрясающие вещи, нужно взять его под свое крылышко, пока не взял кто-то другой.

– Так, значит, ты теперь занимаешься баскетболистами?

Адель улыбнулась, однако ее улыбка больше была похожа на оскал.

– Я занимаюсь теми, кто приносит мне деньги, пусть клиент хоть уточек в ванне на скорость запускает, если это окупится, я буду представлять его интересы.

¹⁴ Леброн Джеймс – американский баскетболист, играющий на позиции легкого и тяжелого форварда.

Очень цинично, но... смысл в этом имелся.

– Ну ладно, детки, не буду вас отвлекать, – пропела Адель и, помахав нам на прощанье, упорхнула, словно первая весенняя бабочка. В ней было столько грации и изящества, что я на ее фоне выглядела как беременная слониха.

– Вот это встреча. – В голосе Майка я заметила странные нотки, но понять, что они значили, не могла.

Мы вернулись за столик. Он откинулся на спинку стула и, поймав мой взгляд, улыбнулся.

– Мне стоит знать о ней что-то еще? – спросила я, покачивая стакан с безалкогольным коктейлем в руке.

– Ничего такого. Просто не ожидал встретить ее в городке вроде Нью-Хейвена. Она предпочитала обитать в Лос-Анджелесе, а потом уехала в Нью-Йорк.

Дело было не только в этом, я знала, видела по его лицу. Однако пытаться Майка о тайнах прошлого не стала. Не то чтобы мне было неинтересно. Просто его прошлое в любом случае уже в прошлом и по большей части не имеет ко мне никакого отношения.

Через пару дней я оформляла статью о Викторе Назарове – нападающем «Дьяволов», который любезно согласился сходить со мной в местное кафе недалеко от арены, где за чашкой чая я взяла у него интервью.

Вик плохо владел английским, но всеми силами старался донести до меня точный смысл того, что говорил. А еще он оказался мил, дружелюбен и галантен. Это моментально расположило меня к нему. Статья получилась отличная и уже висела на веб-сайте нашего канала.

– Как тебе в целом работа в «Джикей Нетворк»? – грянула над моим ухом Донна.

Я была так сконцентрирована на тексте и работе, что дернулась от ее громкого и резвого голоса. Заметив это, она усмехнулась.

– Нервишки шалят?

Я одарила ее хмурым взглядом и тут же горделиво вскинула подбородок.

– Чего ты хотела, Донна?

– Ты не расслышала мой вопрос? – изумилась она. – Как тебе работается в «Джикей»? Корреспондент, конечно, не то что телеведущая, но все равно лучше, чем, например, таскать камеру за Итаном, – захихикала Донна.

Голос ее звучал слишком сладко и добродушно, однако вопрос был таким... неуместным. И любой человек, чей айкью был больше девяноста, понял бы это. А Донна не была глупа, значит, задала она его специально, намереваясь меня задеть.

– Мне нравится, спасибо, что спросила, – небрежно бросила я, полностью переключаясь на свою работу.

В течение нескольких секунд Донна молчала, когда я под-

няла глаза, то обнаружила, что она удивленно смотрит на мою руку.

– Майк сделал предложение?

– Да, пару дней назад, – улыбнулась я.

Донна сначала нахмурилась, а потом на ее губах растянулась широкая улыбка. Она бросилась поздравлять меня.

– Я так рада за вас, Перри, ты счастливица!

Донна слишком долго сжимала меня в объятиях. В нос ударил сладковатый запах ее духов, и мне показалось, что этот аромат отдаленно напоминает мой парфюм.

– Ты будешь первая, – сказала она. Улыбка словно приклеилась к ее лицу, превращая его в восковую маску.

Когда-то мы с подругами вчетвером рассуждали, кто первая из нас обзаведется женихом. Все сошлись на том, что Донна будет первой, я же была почти последней в этом списке, прямо перед Кирби. Полагаю, именно в этом была причина ее ухудшающегося настроения.

Через полчаса я уже была в Скайрок-центре. Спустилась к заградительному стеклу на арене и заулыбалась, заметив Майка. Хоккеисты поделились на две команды и отработывали игру. Далее произошло то, что выбило весь воздух из моих легких. Пауэлл и Майк были соперниками. Майк перехватил шайбу и повел ее вдоль левого края арены к воротам противника. Но вдруг Пауэлл, разогнавшись до невероятной скорости, нагнал его и с силой припечатал к стеклу. Майк влетел всей левой стороной в заграждение и упал на лед.

Прозвучал свисток, и тренер «Дьяволов» Боб Эткинс подошел ко льду.

– Пауэлл! Что ты творишь?! – заорал он.

Зверь ничего не ответил, продолжал катиться по кругу и лишь на мгновение остановил взгляд на мне.

Майк медленно поднимался со льда, держась рукой за левый бок. Ему было больно. Он травмировался, и мое сердце болезненно сжалось в груди при виде его зажмуренных глаз.

Я была в ярости. Мне хотелось зажать голову Зверя ногами и душить его, пока тот не отключится. Что он вытворял?

Майку отправили в медпункт, по всему ряду его ребер тянулась гематома, хорошо, что сами ребра были целы. Он остался дожидаться, когда подействует обезболивающее, а я, закипая от злости, отправилась на поиски Зверя.

Первым пунктом была раздевалка.

Распахнув дверь, я ворвалась туда, как разбушевавшийся торнадо, игнорируя голые торсы, задницы и удивленные взгляды парней.

– Где Пауэлл? – стальным голосом спросила я.

Ник Эшбрук, от неожиданности прикрывший двумя руками свое достоинство, что так нетипично для хоккеистов, сказал:

– Он ушел минут пять назад.

Я сжала зубы и направилась к двери. Путь мне преградил Сойер Басс. Бедра его были обмотаны полотенцем. Грудь блестела от капелек воды, а волосы торчали в разные сторо-

ны.

– Тебе ведь не было надобности заходить сюда сегодня, но ты зашла, похотливая Милашка Перри. Может, удержишься? – веселился он.

Я была так зла и не понимала, что творю. Я схватила Басса за его причинное место и сжала, наслаждаясь тоненьким писком, вырвавшимся из его рта.

Вокруг меня загудели одновременно удивленные и сочувствующие возгласы. Да, яйцам Басса сегодня понадобится лед... хотя скорее маленький кусочек льда.

– Еще раз я услышу намек на секс, оторву весь твой сушеный виноград! Понял?

Он быстро закивал, сжимая губы от боли, и тогда я отпустила его достоинство и вылетела из раздевалки.

Пауэлла не пришлось искать долго. словно разъяренная фурия я выскочила на парковку и заметила его, укладывающего спортивную сумку на заднее сиденье «Ренджровера».

Зверь сделал это специально. Толкнул Майка умышленно. Но зачем он сделал это, я не понимала.

– Стой! – крикнула я, быстрым шагом направляясь к нему. Он не остановился, даже не оглянулся, захлопнул заднюю дверь автомобиля и направился к передней.

Ну что за дуб!

– Пауэлл, я с тобой говорю!

Ноль реакции.

Сжав его плечо и вложив всю силу, которая только была у

меня, я развернула его и, располагая руки на крепкой груди, припечатала его спиной к его же машине. Зверь взглянул в мои глаза и вопросительно вскинул брови. А затем медленно убрал беспроводные наушники из ушей.

Гадство! Он просто не слышал меня. Но это сейчас не главное.

– Ты бортанул его! – негодуяще прорычала я.

Он спокойно опустил голову и взглянул на мои руки, которые все еще лежали на его груди. Такой теплой и рельефной груди. Голубые глаза потемнели, стоило ему заметить помолвочное кольцо с большим камушком на моем пальце.

Нервно сглотнув, я опустила руки.

Он сжал губы, рассеянно оглядывая мое лицо.

– Просто скажи спасибо.

Я задохнулась от новой волны злости, уставившись на его губы, и, клянусь, хотела ударить его головой о дверь машины или... поцеловать.

Нет! Не хочу я его целовать.

– За что? За то, что ты чуть не убил моего парня?

Уголок губ Зверя дернулся, словно он хотел улыбнуться. Пауэлл ни капли не раскаивался, а даже наслаждался тем, что сделал.

– За то, что он наконец сошелся с равным противником. Противостоять мне – ведь не то же самое, что выкручивать руки хрупкой девушке, – холодно отрезал он.

Меня словно молнией поразило.

Я растерянно покачала головой.

– Он... Он не делал этого.

– У меня есть глаза, Утконос.

Получается, что он поступил так с ним из-за меня? Но какое ему вообще дело до приставучей репортерши? Не стал бы он меня защищать, ведь я подпортила его репутацию своим интервью.

Собрав все мысли, которые после его слов вылетели из моей головы, я угрожающе процедила:

– Не смей больше делать этого, даже если у нас и бывают конфликты, это не твое дело!

Он сощурил глаза, лицо его потемнело.

– Вот бы твой парень заботился о тебе так же, как и ты о нем, – небрежно бросил Зверь.

– Что?

Макс вздохнул.

– Он же идиот. Даррелл не уважает тебя и обращается с тобой как с вещью, как можно не замечать этого?

– Да о чем ты говоришь?

– Ни о чем, и мне пора, – отмахнулся он.

Я так сильно разозлилась, что через секунду упрямо надавила на его грудь и прижала его к машине снова. Он отвратительно обошелся с Майком. Говорил всю эту чушь о моем парне, а сейчас пытается просто уйти и сделать вид, будто не в силах уделить разговору со мной и минуты времени.

Зверь заглянул в мои глаза, его челюсть опасно выдвину-

лась. Он хотел что-то сказать, но я не дала ему этого сделать.

– Из-за чего все покатилося в задницу? – холодно спросила я. – Ты не забил по воротам? Понял, что гель для волос кончился? Ах, нет, подожди, твои мышцы стали сдуваться, ты ведь на анаболиках, не так ли? Или сегодня ты посмотрел в зеркало и понял, что дерьмо собачье и то лучше, чем твое нутро. Не смей говорить такого о моем парне! Он прекрасный человек, не то что ты...

Я не успела договорить, лишь испуганно ахнула, когда Зверь грубо схватил меня за плечи и поменял нас местами. Но в этот раз он не стал держать дистанцию, прижал меня своей твердой, словно скала, грудью к дверце машины. Внутри меня все кипело от паники и безысходности.

В голове крутилась только одна мысль: он сейчас ударит меня.

Зверь расположил руки по обе стороны от моей головы, меня моментально окутало запахом зеленого чая, корицы и бергамота, как тогда в баре «У Микки».

Я облизнула пересохшие губы, вскинула голову, храбрясь и пытаясь показать ему, что мне совсем не страшно. Но унять этой дрожи в коленях было невозможно. Пауэлл хочет меня убить, так я думала, пока не заметила, как его взгляд плавно опускается к моим приоткрытым губам и кончику влажного языка, скользящему по ним.

Я поймала себя на мысли, что совсем не дышу. Моя грудь соприкасалась с его, и это казалось таким интимным.

Хотелось оттолкнуть его от себя, но худи Зверя немного задралось, и мои руки коснулись его каменного, рельефного торса. Я тихо вздохнула от неожиданности, но рук не убрала, он не просил меня сделать этого, однако его живот напрягся и дрогнул от моих прикосновений. Пальцами я чувствовала тонкие редкие волоски, идущие вниз к резинке его штанов, и крупные твердые вены, кубики пресса, которые достались ему благодаря упорным тренировкам, и тепло его кожи. Зверь тяжело выдохнул, но, казалось, плечи его стали расслабляться.

Я ощущала себя иначе. Нечто новое поразило мою грудь. Зверь был как неизведанная ранее мной игрушка. Я трогала его, гладила осторожно, только кончиками пальцев, гадая, что еще мне позволил бы этот здоровяк?

И тогда я решила проверить границы дозволенного, прижалась к нему сильнее, теснее, не оставляя и миллиметра пространства между нами, и расположила руки на его поясице. Его кожа была теплой и сухой и так приятно ощущалась под моими ладонями. И в тот самый момент, когда моя рука собиралась переместиться выше, огладить его позвоночник и коснуться мышечных «крылышек» его лопаток, я поймала его взгляд. Голубые глаза были холодными, отгаликивающими, темными языками пламени в них плясали презрение и отвращение.

Это моментально отрезвило меня. Решительных действий с моей стороны не потребовалось. Зверь отстранился пер-

вым. Губы его брезгливо изогнулись, словно я была самой отвратительной девушкой в мире, вызывающей только тошноту. Я знала, он считает меня шлюхой. Но я даже не злилась на него, считала так же, ведь, коснувшись его кожи, ментально позабыла о корчащемся от боли в медицинском кабинете Майке.

Пауэлл грубо отодвинул меня и сел в машину, громко хлопая дверью, а я, обхватив себя руками, зашагала в «Скалу».

Только пронзительный визг шин говорил о том, что Зверь убрался с парковки.

Глава 11

Макс

Прожигая взглядом пустующий соседний столик, я машинально потянулся к стакану и сделал глоток малинового чая с лимоном и льдом. Холодный напиток прошелся по зубам, вызывая кратковременную тупую боль. Я стиснул челюсть и опустил стакан на деревянную столешницу.

Столики здесь, на мой взгляд, были маленькими, совсем крошечными, словно детскими, и не подходили под мои габариты. А вот Джой здесь нравилось. Изящно поедая запеченные ребрышки, она попутно печатала что-то в телефоне.

Я отрезал кусок печеного телячьего стейка и, закинув его в рот, принялся разглядывать ночной город из окон ресторана. Заведение называлось «Высота» и находилось на тридцатом, последнем, этаже здания. Нью-Хейвен был как на ладони. В отличие от любого другого мегаполиса Штатов, он не был в достаточной степени освещен, однако это не отменяло красоты ночного пейзажа.

– Хочешь? – кивнула Джой на ребрышки.

Я покосился на жирные и богато сдобренные соусом свиные ребра и, подавляя рвотный позыв, покачал головой.

Джой постоянно ела подобное, но при этом ей удавалось оставаться стройной. Даже и не скажешь, что мы с ней от одних родителей. Моей сестре шестнадцать, и она учится в

старшей школе. Сейчас разгар учебного года, но Джой уго-
ворила маму отпустить ее на выходные ко мне в Нью-Хейвен.

– Да ладно тебе, – фыркнула она, откладывая телефон в сторону. – Если ты съешь одно ребрышко, ничего не случит-
ся.

– Завтра игра, не хочу ползать по льду как черепаха из-
за того, что сегодня напихал в себя дюжину жирных ребры-
шек, – фыркнул я, наблюдая за тем, как ее голубые глаза
опасливо округляются.

– Эй! Я не говорила о дюжине! Только одно, Макс. Не
рассчитывай на мое хорошее настроение, – проворчала сест-
ренка.

Джой покачала головой, совсем не попадая в такт мело-
дий, наигрываемых музыкантами. Это место было совсем не
для нее. Но Джой росла настоящей кокеткой, любящей вни-
мание. Выгулять новое платье для нее было чрезвычайно
важно, в «Макдоналдсе» этого не сделаешь.

Джой была высокой, около ста семидесяти пяти сантимет-
ров, и чрезвычайно стройной. Ее хрупкие плечи были обер-
нуты голубой тканью платья, в ушах красовались серьги с
перьями, а волосы она собрала в высокий хвост, концы ко-
торого доставали до ее плеч.

Я смотрел на нее и не видел больше ребенка. Джой умело
подчеркнула лисьи голубые глаза и изогнутые ресницы, ее
ногти были длинными, не такими, как у ребенка, и покрыты
бледно-розовым лаком. Она была молодой красивой девуш-

кой, и я частенько переживал из-за того, что для такого набора внешних качеств она была слишком легкомысленна.

– Мама думает, что ты не приедешь домой. Она говорит, что по телефону ты словно подготавливаешь ее, что до следующего года не побываешь в Такоме.

– Это абсурд, ты сама знаешь, как мама любит нагнетать обстановку. Я точно приеду домой. Скорее всего, на Рождество, если получится, то раньше.

– Ловлю тебя на слове, Макс. Если ты не приедешь, то я сама тебя привезу.

На моих губах растянулась улыбка.

– Силенок то хватит?

– Не беспокойся, – фыркнула она, – хватит!

Джой попросила меню у официанта, чтобы выбрать десерт. Себе я заказал еще чая.

Скучаяще оглядывая зал, я наткнулся взглядом на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.